

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

коммерсант

Андрей Воронин **КОМБАТ**

ДЕТЕКТИВ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Игра без правил

«ХАРВЕСТ»

1999

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Комбат. Игра без правил / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
1999 — (Комбат)

ISBN 978-985-18-3636-5

Он немногословен, но если пообещал, то выполнит обещанное, таков Комбат, ведь это не просто кличка главного героя Бориса Рублева, это прозвище, которое он заслужил. Он, бывший майор десантно-штурмового батальона, держался в армии до конца. Многоточие в его военной карьере поставила последняя война на Кавказе... Пока идет дележ денег, мирских благ, о нем не вспоминают, но когда случается беда, от которой не откупишься, Комбат сам приходит на помощь, ведь он один из немногих, кто еще не забыл смысл слов: дружба, честь, Родина...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3636-5

© Воронин А. Н., 1999
© ХАРВЕСТ, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Комбат. Игра без правил

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2015

Глава 1

В уставший от холодов и слякоти серый город победоносно вступила весна. С запада вдруг надвинулись низкие, тяжелые от пропитавшей их влаги облака и на неделю зависли над городом. Затяжной дождь смыл с улиц и мостов последние языки грязного снега, черные наледи окончательно растаяли и стекли в ливневую канализацию темными непрозрачными ручьями. Земля насквозь пропиталась влагой, воздух становился теплее с каждым днем, и, когда дождь наконец прекратился, вдруг стало заметно, что город подернут полупрозрачной зеленоватой дымкой – ежегодная великая битва завершилась, и зеленый цвет был цветом победителя. Вскоре этой нежной дымке предстояло сделаться густой и пышной, потом зелень потемнеет и запылится, а немного позже в ней появятся предательские желтые пятна, но все это было впереди, и думать в это утро об осени мог только законченный пессимист и мизантроп.

Вячеслав Андреевич Колыванов не был ни тем, ни другим.

Несмотря на уже солидный возраст и полную трудов и забот жизнь, Вячеслав Андреевич сохранял бодрость духа и немного наивную уверенность в том, что все движется к лучшему. Цикличность времен года для него была пустым звуком: осень и зиму он считал просто кратковременной неприятностью, в то время как весна означала постепенное возвращение к нормальному порядку вещей. Все это вовсе не означало, что Вячеслав Андреевич Колыванов являлся клиническим дебилом. Механизм сезонных изменений климата не был для него секретом, и он ни секунды не сомневался в том, что Земля вертится, просто жить так, как он жил, ему было удобнее. Земле удобно вертеться, а Вячеславу Андреевичу Колыванову было удобно считать, что все люди от природы добры и отзывчивы, только немного испорчены квартирным вопросом.

О квартирном вопросе пенсионер Колыванов знал все, поскольку проживал в коммуналке, причем не в какой-нибудь псевдокоммуналке, состоящей из трех комнат, в которых отравляют друг другу существование две семьи, а в настоящей, полновесной коммунальной квартире, на закопченных потолках и липких стенах которой ядовитой пленкой осели оглушительные скандалы и подспудные свары нескольких поколений жильцов.

В этой чудовищной квартире, до революции принадлежавшей какому-то стряпчему, было двенадцать комнат, в которых теснилось в разные исторические периоды от восьми до десяти семей, так что о квартирном вопросе и его пагубном влиянии на моральный облик человека пенсионер Колыванов действительно знал все. Эти знания были в основном весьма печального свойства, но Вячеслава Андреевича это несколько не смущало, поскольку его оптимизм не был результатом логических размышлений, а являлся природной основой его характера.

Все, что он наблюдал за долгие годы своей жизни в коммуналке, было для него, так же как и непогода, просто временным отступлением от нормального порядка вещей. Поэтому, когда наступала весна, Вячеслав Андреевич всегда испытывал небывалый прилив энергии, и даже скрипучие сентенции своей вечно чем-нибудь раздраженной супруги воспринимал с философской улыбкой, что приводило его благоверную в совершеннейшую ярость. Жена считала Колыванова просто блаженным, которого Господь навесил ей на шею в наказание за какие-то неведомые, но несомненно тяжкие прегрешения. Особенно бесила ее страсть мужа к рыбалке, которой тот посвящал львиную долю своего времени. И добро бы хоть рыбу приносил! Впрочем, какая рыба в Фонтанке... Налижутся с дружками, вот и вся рыба.

Выпить Вячеслав Андреевич действительно любил, хотя ни разу в жизни не напивался по-настоящему, до отключки, и никогда не имел по этому поводу проблем с милицией. Точнее говоря, проблем с милицией он не имел вообще, и его контакты с правоохранительными органами ограничивались тем, что он вежливо здоровался при встрече с участковым – со ста-

рым участковым, уже ушедшим на пенсию. Новый, бледный, как узник Петропавловской крепости, худосочный и вечно чем-то озабоченный лейтенант приветствий Вячеслава Андреевича попросту не замечал, занятый, надо думать, решением важных государственных проблем.

Колыванов проснулся в половине пятого и понял, что заснуть больше не удастся.

Сон в последнее время был редким гостем в постели Вячеслава Андреевича, хотя раньше Колыванов любил поспать. В этом усматривалась некая ирония судьбы. Раньше выспаться удавалось редко, каждый день в шесть утра его поднимал с постели старенький жестяной будильник, напоминая о том, что пора начинать новый день; теперь же, когда времени сделалось предостаточно и можно было спать хоть круглые сутки, сон упорно бежал от него. Вячеслав Андреевич хорошо понимал, что к нему исподволь подкрадывается старость, но это обстоятельство его не слишком огорчало: таков был порядок вещей, да и на вечную жизнь он не претендовал. Говоря по совести, Вячеслав Андреевич уже порядком устал от жизни, и его несокрушимый оптимизм начал понемногу давать трещины, чему немало способствовала любимая супруга Елена Тихоновна, готовая заунывно скрипеть все двадцать четыре часа в сутки. Раньше спасала работа, теперь же укрыться от этой самоходной пилорамы можно было только на рыбалке.

Вспомнив о рыбалке, Вячеслав Андреевич немного просветлел лицом и бесшумно покинул скрипучее супружеское ложе, опасаясь разбудить Елену Тихоновну, которая бесформенной горой громоздилась под одеялом. Он тихо оделся под ее залихватистый храп, взял за шкафом удочку в линялом брезентовом чехле и тенью выскользнул в коридор.

Это было длинное, загроможденное всевозможным хламом, беспросветно темное помещение, изобиловавшее поворотами и выступами, а также какими-то несуразными порошками и ступеньками. Двигаясь в крошечной темноте с выработанной годами бесшумной грацией лунатика, Вячеслав Андреевич преодолел коридор, ничего не задев и не опрокинув. Можно было, конечно, зажечь свет, но до выключателя было еще дальше, чем до ванной, да и лампочка, насколько мог припомнить Вячеслав Андреевич, перегорела еще вчера, и навряд ли кто-нибудь удосужился ее заменить, так что он не стал рисковать и через минуту уже был в ванной.

За долгие годы Колыванов настолько хорошо изучил каждый сантиметр бесконечного коридора, что не спотыкался даже тогда, когда соседские дети бросали посреди дороги свои мячи и велосипеды – он находил дорогу в темноте, как летучая мышь.

Справив малую нужду, умывшись и тщательно почистив то, что осталось от зубов, Вячеслав Андреевич сходил на кухню, прихватил заготовленный с вечера полиэтиленовый пакетик с наживкой и пару бутербродов, привычно взял пластмассовое ведерко для рыбы, которое обычно возвращалось домой пустым, снова преодолел полосу препятствий в коридоре и вышел в провонявшийся кошками подъезд, так никого и не разбудив.

На лестничной площадке он на минуту приостановился. Ему вдруг представилось, что однажды он вот так же бесшумно покинет дом с удочкой в руке и больше уже не вернется: в последнее время у него стало пошаливать сердце, и такая перспектива казалась ему вполне вероятной и даже, пожалуй, привлекательной: как-никак это будет получше, чем медленно умирать в тесной, похожей на пенал комнате под недовольное ворчание жены и неискренние вздохи соседей. Вячеслав Андреевич даже удивился – это уже был совершенно несвойственный ему ход мыслей. «Да, – подумал он, – старость – не радость.»

Колыванов спустился по широкой лестнице с витыми чугунными перилами и, преодолев сопротивление массивной застекленной двери, выбрался на свежий воздух. Погода стояла чудесная, узкий газон, отделявший тротуар от проезжей части, за ночь сделался еще зеленее. Мимо, шурша водяными усами, неторопливо проехала оранжевая поливочная машина. Вячеслав Андреевич улыбнулся и бодро зашагал по тротуару.

Пройдя два квартала, он свернул за угол и вскоре оказался на набережной Фонтанки, где уже стояли, прислонившись животами к гранитному парапету, двое знакомых Вячеславу Андреевичу рыбаков – таких же, как и он, пенсионеров.

Сухонький и седенький старикан Гаврилыч радостно улыбнулся приятелю, блеснув желтыми от никотина вставными зубами, и, приподняв давно потерявшую форму и цвет соломенную шляпу, совершил ею некое сложное движение над покрытой редким белым пухом макушкой, приветствуя коллегу, а грузный, похожий на мрачного гиппопотама Иваныч, даже не оборачиваясь, неторопливо и солидно отсалютовал поднятой рукой, продолжая неотрывно следить за поплавком, совершенно бесполезно болтавшимся на поднятой легким утренним ветерком мелкой ряби. Клева, как обычно, не предвиделось. Вячеслав Андреевич занял свое обычное место и ритуальным жестом стянул чехол с удочки. Неторопливо размотав леску, он насадил на крючок наживку и забросил удочку, приготовившись к долгому ожиданию. Мимо пробежала стайка бегунов.

– Эй, деды, опять гондоны ловите? – на бегу спросил долговязый парень в белом спортивном костюме и разбитых кроссовках сорок пятого размера. Его длинные светлые волосы были стянуты в «конский хвост» на затылке и перехвачены коричневой кожаной тесемкой. – В аптеку идите, их там навалом!

Бежавшие рядом с ним длинноногие девицы захихикали.

– Засранец патлатый, – буркнул мрачный Иваныч. В его голосе не было раздражения: бегуны и их шуточки тоже были частью ритуала, повторявшегося каждый день вот уже много лет подряд.

– Девки хороши, – сказал Гаврилыч, снова приподнимая шляпу и скребя плешь корявым мизинцем. – Видал, задницы какие? Эх, мне б такую на часок!

Иваныч оторвал взгляд от поплавка и с некоторым удивлением уставился на Гаврилыча.

– И что бы ты с ней делал? – спросил он.

– Как что? – изумился Гаврилыч и вдруг задумался. – Ну... это... того, как его...

– В ладушки бы играл, – не удержавшись, вставил Вячеслав Андреевич.

– Разве что, – снова отворачиваясь к воде, согласился Иваныч. – Да только его пенсии и на ладушки не хватит. Девочек ему подавай... Пердун старый.

– Сам ты пердун, – задиристо ответил Гаврилыч и в запальчивости резко выдернул удочку из воды. Крючок был голый. Некоторое время Гаврилыч озадаченно разглядывал его, словно силясь понять, куда подевалась наживка, а потом насадил новую и снова забросил удочку. – Вон, я недавно в газете читал про японца одного. Так он в девяносто восемь лет сына струганул, и хоть бы что.

– Так то японец, – не сдавался Иваныч. – У них, узкоглазых, перестройки не было. Пожил бы он на мою пенсию, я бы посмотрел, чего он там струганул бы.

Упоминание о пенсии перевело разговор в привычное русло: старики принялись без особенного энтузиазма ругать правительство, высокие цены, окопавшегося в Париже Собчака и водку, которую теперь стали гнать неизвестно из чего. Беседа понемногу становилась вполне конструктивной, и Вячеслав Андреевич невольно покосился на часы, интересуясь, сколько осталось до открытия гастронома. Увы, было только шесть утра – рановато вообще и для выпивки, в частности. Впрочем, все трое давно уже сошлись на том, что старая поговорка «с утра выпил – день свободен» целиком и полностью верна.

Востроглазый Гаврилыч засек движение Колыванова и сочувственно сказал:

– Что, Андреич, трубы горят?

– Трубы не трубы, а для бодрости не помешало бы, – ответил Вячеслав Андреевич.

– Алкаши, – сказал Иваныч, тяжело вздохнул и извлек из своей котомки полбутылки перцовки.

– Спаситель, – сказал Вячеслав Андреевич.

– Вылитый Иисус Христос, – авторитетно подтвердил Гаврилыч, энергично потирая сухие ладони. – Ручки зябнуть, ножки зябнуть, не пора ли нам дерябнуть?

– Алкаши, – убежденно повторил Иваныч, ловко извлекая полиэтиленовую пробку с помощью карманного ножа. – Ну, по старшинству.

И он протянул бутылку Гаврилычу.

– Не ради пьянки окаянной, а токмо здоровья для, – скороговоркой пробормотал тот. – Ну, будем здоровы.

Он на глаз прикинул уровень жидкости в бутылке, для верности приложил к ее стенке желтый прокуренный ноготь и в три глотка отпил ровно треть.

– Снайпер, – похвалил его Иваныч.

Гаврилыч утер губы рукавом, привычно передернул плечами и передал бутылку Колыванову. Тот аккуратно обтер горлышко ладонью и не торопясь выпил. Перцовка на голодный желудок пошла хорошо, и мир моментально подернулся радужной дымкой. Захотелось говорить, рассказывая приятелям, какие они замечательные люди, но Вячеслав Андреевич сдержался: все, что он мог сказать, было сказано уже тысячу раз. Иваныч одним могучим глотком осушил бутылку и по-хозяйски упрятал ее в котомку. На лбу и на верхней губе у него выступили мелкие бисеринки пота.

– Хорошо, – сказал Вячеслав Андреевич.

– Еще как хорошо-то! – подхватил Гаврилыч. – Жалко, девки убежали. Я, само собой, не японец, но теперь они от меня ладушками не отделались бы.

– Ишь, распухнул, – сказал Иваныч. – Губу подбери, а то, чего доброго, наступишь... донжуан пескоструйный.

– Ядовитый ты, Иваныч, как кобра, – немного обиженно сказал Гаврилыч, возвращаясь к своей удочке. – И с чего это, не пойму никак. Везде пишут, что толстые вроде бы, наоборот, добрее бывают.

– Правильно, – сказал Иваныч, – как бутылку достал, так Иисус Христос, а как водка кончилась, так сразу кобра. Козел ты старый, и больше ничего.

Вячеслав Андреевич слегка поморщился: он не любил свар. Впрочем, Гаврилыч, вопреки обыкновению, никак не отреагировал на последний эпитет. С опасностью для жизни перегнувшись через парапет, он внимательно разглядывал что-то в воде, на всякий случай придерживая рукой свою ветхую шляпочку.

– Ты чего там увидал? – поинтересовался Иваныч. – Неужто клюет?

– Мать честная, – невпопад ответил Гаврилыч и, выпрямившись, отступил от парапета. Выглядел он, мягко говоря, растерянным.

– Ну, что там? – повторил свой вопрос Иваныч и тоже перегнулся через парапет, смешно задрав необъятный, туго обтянутый серыми в полосочку брюками зад.

Вячеслав Андреевич подошел к нему и посмотрел вниз. Сердце пропустило один удар, мучительно трепыхнулось в груди и вдруг застучало, как цирковой барабан перед исполнением смертельного трюка. Мир косо поплыл перед глазами Вячеслава Андреевича, но странное дело: плававший лицом вниз в грязной воде у самой гранитной стенки раздетый догола и уже тронутый нехорошей синевой мужик по-прежнему оставался в центре поля зрения, хотя все вокруг уже тошнотворно поворачивалось, словно набирающая обороты карусель. Вячеслав Андреевич крепко прижал разом вспотевшей ладонью бешено колотящееся сердце, смутно опасаясь, что изношенный моторчик может в одночасье заглохнуть. Выпитая перцовка вдруг подкатила к горлу тугим едким комом, и Колыванова вырвало прямо в реку с протяжным утробным звуком.

– Твоя правда, – сказал ему Иваныч, выпрямился и торопливо закурил, сломав четыре спички.

Вячеслав Андреевич взял у него папиросу, хотя бросил это дело уже десять лет назад, и тоже закурил, чтобы отбить стоявший во рту отвратительный вкус рвоты. Поплавок на его

удочке дрогнул, застыл на мгновение и косо, рывком, ушел под воду, сдернув с парашюта забытую удочку, но этого никто не заметил.

* * *

Борис Иванович Рублев резко поднялся со скрипнувшего стула, в три огромных шага пересек комнату и со стуком распахнул форточку. В квартиру вместе с шумом проехавшего внизу автомобиля и пьяным чириканьем совершенно одуревших от тепла и солнца воробьев ворвалась струя пронзительно свежего весеннего воздуха. Казалось, что эта струя даже имеет цвет – прозрачно-голубой, спектрально чистый. Если существует на свете эликсир молодости, то это был именно он.

К сожалению, Комбат сейчас был не в состоянии по достоинству оценить всю прелесть весеннего дня. Мир внезапно сделался серым и скучным, залиvistое воробьиное чириканье резало слух, как визг циркулярной пилы, вызывая противную дрожь нервных окончаний, очертания предметов выглядели зловеще-незнакомыми, таящими в себе угрозу, бороться с которой не было ни сил, ни желания. В груди kloкотало глухое раздражение, хотелось крушить все подряд – всласть, с матерной руганью и слезливыми воплями. Хотелось жаловаться и требовать, хотелось схватить кого-нибудь за горло и стиснуть так, чтобы затрещала раздавленная гортань и хрустнули шейные позвонки... Хотелось убивать.

Хотелось дозу.

Рублев с треском, рассыпая по полу пуговицы, содрал с себя серую шерстяную рубашку и, оставшись в застиранных джинсах и десантном тельнике без рукавов, упал на пол и принялся отжиматься на кулаках с таким ожесточением, словно кого-то насиловал. На руках и плечах плавно играли выпуклые бугры мощной мускулатуры, на предплечьях проступила рельефная сетка вздувшихся от напряжения вен. Прямое, как доска, тело бывшего командира десантно-штурмового батальона раз за разом стремительно взлетало и снова падало вниз, почти касаясь грудью пола, взлетало и падало, взлетало и падало...

Казалось, этому не будет конца: Борис Рублев находился в отличной форме. В отличной физической форме, поправил себя он, продолжая отжиматься. Следы от уколов на локтевых сгибах обеих рук давно сошли, но шрамы, оставшиеся на психике, заживали куда медленнее. Из Комбата словно вынули половину души – ту самую, без которой невозможно было радоваться солнечному деньку или удачной шутке. Люди вокруг постоянно раздражали его тем, что не знали, не могли даже представить себе, каково это – обходиться без дозы, соскочить с иглы и продолжать жить, все время помня о минутах райского блаженства, презирая себя за это и все равно помня... Жизнь была тусклой и беспросветной, как генеральские погоны, и воспоминание о том, в какую хнычущую тварь всего за месяц превратили железного Комбата Грязнов и его подручные, отнюдь не добавляло ей радостных красок.

Желание уколоться было постоянным и неотвязным, как земное притяжение, но временами оно становилось просто нестерпимым, и тогда Рублев изнурял себя физическими упражнениями или ехал в тир к Подберезскому и расстреливал там обойму за обоймой, засыпая бетонный пол дымящимися гильзами и до хруста стискивая зубы.

Это было все равно что жевать резинку, пытаясь обмануть голод, – сосущая пустота во всем теле оставалась, но тренировки, по крайней мере, помогали держать себя в руках. Настоящей отдушиной был сын. Конечно, вслух Рублев никогда не называл Сергея Никитина сыном: парень отлично помнил своих погибших родителей и терпеть не мог фальши, но в мыслях Комбат давно усыновил подобранного им на вокзале подростка. Юридически это усыновление оформлено не было. Борис Иванович еще недостаточно пришел в себя для того, чтобы вступить в неравную схватку с отечественными крючкотворами. Он до сих пор внутренне содрогался, вспоминая, чего стоило ему просто устроить мальчишку в школу. У парня не было

никаких документов, и сухопарая директриса, с холодным, лишенным возраста лицом, наотрез отказалась брать на себя ответственность за беспризорника. Под конец долгого и бесплодного разговора – пятого или шестого по счету – Комбат совершенно вышел из себя.

– Чтоб ты подавилась своей отчетностью, – сдерживаясь из последних сил, сказал он. – А если бы на его месте был твой сын?

– Мой сын погиб в Чечне, – сказала директриса. В лице ее что-то дрогнуло. Рублев извинился и пошел к дверям, стараясь ступать бесшумно, но она остановила его.

– Приводите его завтра, – сказала она. – Но учтите, он сильно отстал, а поблажек ему давать я не намерена...

Потом был бой с Сергеем, которому идея снова усесться за парту казалась смехотворной. Впрочем, куда этому мальчишке было до директрисы...

Вспомнив о Сергее, Комбат посмотрел на часы и спохватился: парень вот-вот придет из школы, а в доме хоть шаром покати. Аппетит у пацана был отменный, он словно наверстывал упущенное и ел за троих: его организм рос и требовал топлива.

Наскоро одевшись и прихватив хозяйственную сумку, Рублев выскочил за дверь. Игнорируя лифт, он бегом спустился с шестого этажа и, пройдя дворами, очутился на параллельной улице, где стоял гастроном. Набив сумку продуктами и обменявшись парой слов со знакомой кассиршей, он направился обратно, привычным усилием воли подавив желание притормозить у табачного киоска. «Черт возьми, – подумалось ему, – ну что за жизнь! Этого нельзя, того не могли, сего не смей... До чего же все-таки слаб человек! Сколько всего напридумал себе же на погибель... Однако рассуждаю я, как старушка на завалинке.»

Все так же, бегом, поднявшись к себе на шестой, он отпер дверь, разделся и принялся готовить нехитрый обед. Вскоре по кухне поползли дразнящие запахи, свидетельствовавшие о том, что можно садиться за стол. словно по сигналу, в замке заворочался ключ, и в прихожую вошел Сергей, с шумом сбросив на пол ранец. Рублев не был опытным родителем и тем более педагогом, но зато кое-что понимал в кулачных драках. Окинув своего воспитанника оценивающим взглядом, он неопределенно хмыкнул и сказал:

– Красиво тебе кто-то в глаз засветил. Не синяк, а загляденье. Где достал такую роскошь? Сергей покосился на него исподлобья и, поняв, что ругать его, похоже, не будут, проворчал:

– Да так... поменялся с одним. Он мне фингал, а я ему два.

– Это правильно, – сказал Рублев. – Если, конечно, за дело.

– За дело... Нечего было языком болтать.

– И что же он болтал?

Сергей набычился и отвернулся.

– Какая разница, – упрямо сказал он.

– Разница большая, – ответил Комбат, подталкивая его в сторону ванной. – Руки мой, обед на столе. Если он, к примеру, отвечал урок, а ты встал и начистил ему физиономию, то это, поверь, никуда не годится.

– Глупости какие, – сдерживая улыбку, сердито проворчал Сергей. – Что я, бандит какой-нибудь?

– Никто и не говорит, что ты бандит, – уверил его Комбат.

– Ну да, как же...

– Ага, – сказал Рублев, – вот в чем дело. А что еще он говорил?

– Что я вор, беспризорник и...

– И?.. – внимательно глядя на парня, переспросил Рублев.

– И голубой, – едва слышно закончил Сергей. – Он сказал, что вы неспроста меня у себя поселили.

– Ага, – не меняя тона, повторил Комбат. – Но ты объяснил ему, что он ошибается?

– Еще как, – немного оживился Сергей. – Правда, вас теперь в школу вызывают... Ольга Николаевна сказала, что любой спор можно решить без помощи кулаков.

– Так то спор, – серьезно сказал Рублев, усаживаясь вместе с подростком за стол. – Тут, брат, важно понимать разницу между спором и оскорблением. Оскорблять себя ты никому не позволяй, ясно?

– Мне-то ясно, – берясь за ложку, кивнул Сергей, – а вот ей...

– Это Ольге Николаевне твоей, что ли? Так ей простительно, она – женщина. А женщины умеют языком так отделать, что никакие кулаки в сравнение не идут...

Некоторое время Сергей молча, сосредоточенно хлебал суп, орудуя ложкой, как гребец веслом на чемпионате мира. Комбат наблюдал за ним, сидя напротив. Есть ему не хотелось – хотелось уколоться, вогнать в вену кончик иглы, надавить на поршень и почувствовать, как по всему телу разливается блаженный покой. Словно угадав его мысли, Сергей тревожно вскинул глаза и в упор взглянул на Рублева.

– Борис Иванович, – спросил он, – а вы много людей убили?

– Честно говоря, не считал, – прогоняя оцепенение, ответил Комбат. – А тебе это зачем?

– И руками? – гнул свое мальчишка.

– И руками, и ногами... Рано тебе, брат, такими вещами интересоваться. Ты вот рубай лучше, тебе расти надо.

– А почему вы мне приемы не показываете? – не отставал Сергей. – Не доверяете?

Комбат задумался.

– Дело не в приемах, – ответил он наконец. – Как бы тебе объяснить... Приемы всякие – это техника, вроде пистолета, и ее не каждому можно в руки давать. Главное – голова. Не голова даже, а... ну душа, что ли. Понимаешь, можно знать миллион приемов, но так никогда и не отважиться ударить человека, по-настоящему ударить, а не синяк ему под глазом посадить. А можно отработать один коронный удар и убивать людей направо и налево. И то и другое – плохо. Надо уметь бить насмерть, но важнее уметь определить тот момент, когда без такого удара уже не обойтись. А вот до этого ты пока не дорос. До этого не каждый взрослый дорастает, между прочим, так что не расстраивайся. Но в чем-то ты прав. Пора мне тобой заняться, чтобы на улице мог за себя постоять. Но если узнаю, что ты нос начал задирать, то спущу всю шкуру с задницы, и никакие приемы тебе не помогут.

– А что, – рассмеялся Сергей, – это же идея! Пойду в рэкетирь, заведу себе кожаную куртку, ковбойские сапоги и джип, крутым заделаюсь...

– Ешь, крутой, – усмехнулся Комбат. – Тоже мне, крестный отец. Самого соплей перешибить можно, а туда же. Хлеба бери побольше, в нем вся сила.

Наблюдая за тем, как быстро, но без прежней жадности ест паренек, Комбат незаметно для себя самого улыбался в усы. Все-таки, пока рядом был мальчишка, жизнь не казалась такой пустой и серой. Желание ввести себе дозу героина отступило, и Борис Рублев понемногу начал верить, что когда-нибудь оно уйдет навсегда.

– Ешь, солдат, – повторил он.

Глава 2

Тренировка подходила к концу. В просторном зале повис густой, насыщенный запах мужского пота, воздух гудел от хлестких ударов о маты и азартных выкриков. Группа курсантов отрабатывала приемы защиты от нападения с ножом. Юрий Французов прохаживался по залу, внимательно наблюдая за тем, как курсанты работают в парах и время от времени внося незначительные коррективы. В общем и целом группа была неплохая и уверенно продвигалась вперед, хотя для бывшего ротного командира десантно-штурмового батальона все это выглядело карикатурой на настоящий рукопашный бой. «Пока, – поправил он себя. – Дайте время, и эти ребята сгодятся в дело... Хотя лучше было бы, чтобы дела для них не нашлось.»

– Стоп, – сказал он паре курсантов, неуклюже топтавшихся на матах. Похоже было на то, что они никак не могут решить, кто кого должен бросить через бедро. – Так не пойдет, ребята. Это должно получаться само собой, без напряжения, а вы похожи на двух замороженных студентов, которые пришли подработать на разгрузке вагонов и не знают, как подступиться к мешку.

Пыхтящие курсанты с некоторым усилием расцепились и отступили на шаг друг от друга.

– Давайте по очереди, – сказал Французов. – Вы нападаете, я защищаюсь. Только не надо мне помогать, я справлюсь сам. Ну, вперед!

Один из курсантов шагнул к нему, наискосок взмахнув «ножом» – круглой деревянной палочкой – и с треском обрушился на мат, не успев даже сгруппироваться.

– Видел? – спросил Французов у второго курсанта. Тот кивнул, уронив на мат каплю трудового пота. – Тогда вперед, и постарайся избежать того, что ты видел. Достань меня, ясно?

Курсант снова кивнул и без предупреждения бросился в атаку. На полпути сменив направление удара, он сделал финт и в самом деле едва не достал капитана, так что тому пришлось реагировать несколько резче, чем он собирался. Изображавшая нож палочка, крутясь, отлетела к стене, а курсант с глухим звуком уткнулся головой в мат. Спустя несколько секунд он тяжело перевернулся и сел, трясая головой и баюкая ушибленную руку.

– Цел? – без особенного сочувствия спросил у него Французов. Тот снова кивнул. – Это хорошо. Вообще-то, у тебя должна быть сломана рука и, возможно, шея.

– Это я почувствовал, – признался курсант. – Разрешите вопрос, товарищ капитан?

– Валяй, – сказал Французов. Он знал, каким будет вопрос, и давно ждал его именно от этого курсанта.

– Зачем нам все это? – спросил курсант. – Ведь мы будем служить на кораблях, работать с электроникой, а не ходить в боевые десанты.

– Ну, братец, ты и спросил, – сказал капитан, умело разыгрывая удивление. – Ты собираешься быть офицером флота или макарониной по-флотски? Пойми, боеголовки решают многое, но далеко не все. Много ли пользы было от них в Чечне или, скажем, в Афганистане? Много ли пользы будет от них в подворотне, когда к твоей девушке пристанет отморозок с ножом?

– Ну, с отморозком в подворотне я как-нибудь справлюсь, – сказал курсант.

– Ой ли? Может, попробуешь? – спросил Французов, беря в руку «нож».

– Так то вы, – пошел на попятную будущий флотоводец, – а то пьянь из подворотни. Есть же разница.

– Нет разницы, – жестко сказал Французов. – Половина парней твоего возраста прошла Чечню, спецназ, ДШБ, ВДВ, погранвойска и черт знает что еще. Все они натренированы на то, чтобы убивать людей. Убивать, понимаешь? Это не так просто, как может показаться, когда смотришь боевик по телевизору. Они этому обучены, а ты нет... пока нет. В общем, имей в виду: либо я сделаю из тебя бойца, либо тебя комиссуют по состоянию здоровья.

На скулах курсанта заиграли желваки.

Французов внутренне усмехнулся: ему удалось-таки завести парня, заставить злиться. Теперь оставалось только направить злость в нужное русло.

– Ты что-то хочешь сказать? – спросил он, придвигаясь к курсанту вплотную. – Ты, сопляк, козья морда, салага...

– Товарищ капитан... – растерянно пробормотал курсант.

– Я тебе не товарищ капитан, – зловеще прошипел Французов. – Я давно в отставке, спился, сел на иглу, и мне нужны бабки на дозу. А еще я хочу тебя трахнуть. Я могу это сделать, веришь, ты, козел?

– Я вам не козел, – сказал курсант.

Он понимал, что это только игра, что Французов нарочно пытается его разозлить, чтобы потом принародно припечатать к матам в доказательство своих слов, но нарочитая грубость всегда холодновато-сдержанного инструктора помимо его воли выводила из себя, заставляла нервничать. Помимо всего прочего, он чувствовал, что Французов вряд ли ограничится словами и вот-вот начнет действовать руками, а возможно, и ногами тоже.

– Не козел, говоришь? – с насмешкой протянул капитан. Теперь трудно было понять, говорит он всерьез или притворяется: в конце концов каждому салаге было известно, что их инструктор по рукопашному бою ушел из ДШБ из-за ранения в голову. Кто знает, что может прийти в голову контуженному? У капитана страшно и неестественно расширились и сужались зрачки, а голос стал замедленным, словно записанным на пленку и пущенным с малой скоростью. – Не козел? Может, ты меня к ответу призовешь? За «козла», а? Ну что, петушок, попробуешь?

Он сделал неуловимое движение правой рукой.

При всей своей неуловимости выпад был рассчитан на то, чтобы его заметили, и курсант успел среагировать, чисто автоматически поставив простенький нижний блок. Отбив первый удар, он немедленно получил безболезненный, но сильный и очень обидный толчок прямо в лоб открытой потной ладонью. Французов неприятно ухмылялся, надвигаясь на него и делая обманные движения руками.

– Я не понимаю... – начал было курсант, но увесистая оплеуха заставила его замолчать.

Это был не удар, а именно пощечина, и курсант взбеленился, напроць забыв, с кем имеет дело. Он обрушился на инструктора, наугад молотя руками и ногами, вкладывая в бешеные удары все силы, все свое невеликое умение. Французов защищался с таким видом, словно его просто донимали мошки. Все присутствовавшие при этой сцене нерешительно стояли вокруг, не зная, что предпринять: наблюдать дальше или вязать капитана, пока не поздно. Они не успели принять никакого решения: Французов вдруг сделал короткий выпад, и атаковавший его курсант сел на маты, хватая воздух широко открытым ртом.

– Вот это работа, – совершенно нормальным голосом сказал капитан, протягивая ему руку и помогая подняться. – Техника ни к черту, но настроение правильное.

Только теперь все заметили, что из носа у капитана двумя тонкими струйками течет кровь, капая на застиранный десантный тельник.

– С таким настроением ты, пожалуй, и вправду сумеешь уделать отморозка в подворотне, – продолжал Французов, с некоторым удивлением трогая пальцем свой разбитый нос. – Если, конечно, он будет один и пьян до бесчувствия. Техника – дело наживное. Главное, постарайся научиться контролировать себя и бить поточнее – не куда бог пошлет, а туда, куда хочешь ты. А за «козла» извини. Надеюсь, ты понял, что это было не всерьез.

– Гм, – сказал курсант, поднимаясь. – А мне показалось... Вы меня тоже извините... за нос.

– А вот это лишнее, – сказал инструктор. – Нос – это я сам прохлопал. Быстро двигайся, молодец.

Он обернулся и окинул спокойным взглядом стоявших вокруг курсантов.

– Я хочу еще раз напомнить всем, – сказал он, – что то, чем мы с вами здесь занимаемся, не игра. Однажды может наступить день, когда от навыков, полученных в этом зале, будет зависеть ваша жизнь, а может быть, и не только ваша. Конечно, ваша судьба в ваших руках, но мне очень не хотелось бы, чтобы будущие боевые офицеры стали сутулыми нажимателями кнопок.

Отпустив группу и дождавшись, когда освободится душевая, капитан Юрий Французов принял душ и переоделся, с невольной иронической усмешкой посмотрев на себя в зеркало.

Армейский китель с эмблемами воздушно-десантных войск сидел на нем как влитой, подчеркивая широкий разворот плеч и узкие бедра, но здесь, в военно-морском училище, он делал его некой разновидностью белой вороны. Среди черных кителей преподавателей и застиранных матросских роб курсантов затянута в хаки громоздкая фигура капитана Французова всегда выделялась издалека. Менять свой десантный тельник на морской Юрий не собирался: в его армейском прошлом не было ничего постыдного, скорее, наоборот, о чем свидетельствовали орденские планки, в три ряда теснившиеся на груди.

Сняв с рукава приставшую нитку, Французов вышел в зал.

Здесь уже орудовали швабрами два курсанта. Убранные маты двумя штабелями громоздились у дальней стены. Еще полгода занятий с этой группой, и маты можно будет убрать совсем, а гладко оструганные палочки заменят тяжелые армейские штык-ножи.

Французов усмехнулся, вспомнив сегодняшний инцидент.

Салаги, первокурсники – что с них взять? К тому времени, как из зала уберут маты, они перестанут задавать подобные вопросы. Это же надо было додуматься спросить, зачем офицеру флота владеть приемами рукопашного боя! Дети, вылитые дети, ей-богу...

Он слегка приподнял брови, заметив в зале постороннего. Удивительнее всего было то, что это был штатский. Неужели кто-то из родителей ухитрился прорваться? Если так, то наша армия действительно остро нуждается в реформе... Штатский тоже заметил капитана и быстро зашагал навстречу ему через зал, на ходу протягивая руку. Французов сдержанно пожал ее и вопросительно уставился на визитера.

– Старший оперуполномоченный отдела по расследованию убийств капитан Ярцев, – представился тот и продемонстрировал красную книжечку. – Капитан Французов, если не ошибаюсь?

– Ошибиться трудно, – сдержанно улыбнулся Юрий. – Я здесь один такой... гм... зеленый. Чему обязан визитом? Насколько могу припомнить, я никого не убивал вот уже года два. Ярцев слегка вздрогнул, но быстро спохватился и немного принужденно рассмеялся.

– Ах да, – сказал он. – Чечня?

– Да, – кивнув, подтвердил Французов. – Надеюсь, разговор у нас пойдет не об этом?

– Увы, – вздохнул милиционер, – совсем не об этом. Нужна ваша консультация.

Он порылся во внутреннем кармане своей потертой кожаной куртки и вынул оттуда фотографию.

– Этот человек вам знаком? – спросил он, показывая фотографию Французову.

Первое, что понял Юрий, взглянув на снимок, – это то, что на нем был изображен труп.

Фотография была увеличена, так что в кадре осталось только изуродованное страшными побоями, распухшее лицо. Капитан не сразу понял, кто это: оба глаза заплыли громадными синяками, со лба свисал большой лоскут оторванной кожи, нос был перебит и свернут на бок, – а узнав, вздрогнул.

– Да, – медленно ответил он, – я его знаю... точнее, знал. Снимок ведь посмертный? Впрочем, что я спрашиваю... Это курсант четвертого курса нашего училища Николай Панаев. Что с ним произошло? Выглядит он так, словно попал под поезд.

Ярцев в некоторой нерешительности почесал переносицу указательным пальцем и через плечо покосился на орудовавших швабрами курсантов. Юрий тоже посмотрел в ту сторону и

понял, что смущает старшего оперуполномоченного: ребята слишком усердно натирали пол на одном месте и были похожи на два одетых в застиранные брезентовые робы вопросительных знака.

– Пройдемся? – предложил он, и милиционер согласился с видимым облегчением.

Они вышли на улицу, обогнули корпус и медленно пошли по беговой дорожке, проложенной вокруг спортгородка. Поодаль на малом плацу механически вышагивали по меловым квадратам первокурсники, издали похожие на сложно взаимодействующие детали какого-то странного механизма. Оттуда доносились каркающие выкрики команд. Командовал парадом мичман Головнюк, за общую шарообразность фигуры прозванный Колобком.

– Итак? – спросил Французов, сбоку посмотрев на капитана милиции.

Ярцев шел опустив голову, разглядывая гаревую дорожку у себя под ногами. Он казался глубоко погруженным в какие-то невеселые мысли и ответил не сразу.

– Панаева выловили в Фонтанке, – сказал он наконец. – Есть там три таких забавных старикана, всегда на одном и том же месте рыбу ловят...

– Рыбу? – поразился Юрий.

– Ну да. Важен ведь не результат, а сам процесс, – пожав плечами, ответил Ярцев. – Вот они его и обнаружили. Плавал голый лицом вниз. Вас не смущают такие подробности? Ах да, ну конечно. Так вот, лицо – это еще ерунда. У него в общей сложности восемь переломов, в том числе перелом шейных позвонков.

– Он что, выпал из окна?

– Эксперты утверждают, что нет, – качнув головой, ответил Ярцев. – Вот здесь мы и подходим к тому, ради чего я вас побеспокоил.

– Секундочку, – перебил его Французов. – Я не понимаю, каким образом вы вышли на училище, если он, по вашим словам, был голый?

– Вообще-то, – сказал Ярцев, – это секрет фирмы, но вам я скажу. У него была татуировка – маленький такой якорек на левой стороне груди.

– Черт возьми, – сказал Французов, – это же запрещено!

– Именно так мы и рассуждали, – подтвердил Ярцев. – Получается очень простая цепочка: якорь – значит, моряк. Торговый флот и рядовой состав военно-морского отпадают: там уж если делают наколку, то от души, во всю спину или, в крайнем случае, на плечо. А тут такой малюсенький якорек, что мы его не сразу и заметили. Офицером он оказаться не мог – молод. Оставались училища... Ну и еще, быть может, недавние выпускники. Не так уж много, правда? Конечно, все это очень шатко, но, как видите, сработало.

– Так, – сказал Французов. – Ну а при чем тут я?

– Ярцев снова немного помялся.

– Видите ли, – с некоторой неохотой сказал он, – тут такое дело... В общем, то, что я пришел к вам, – это в своем роде партизанская вылазка. Труп опознан, версия у следствия есть...

– Но? – спросил Французов. – Ведь это же не все, правда?

– Наши медики утверждают, что парня забили до смерти, – вздохнув, сказал Ярцев. – В желудке у него обнаружен алкоголь, костяшки пальцев сбиты – в общем, погиб в пьяной драке.

– Чуть собачья, – решительно сказал Французов.

– Мне почему-то тоже так кажется, – согласился Ярцев и с любопытством взглянул на Юрия. – А почему вы в этом так уверены?

– Вы знаете, что я работаю инструктором по рукопашному бою, – ответил Юрий, – и вы пришли ко мне неспроста. Так вот, Панаев не мог погибнуть в пьяной драке с хулиганами, во-первых, потому, что не пил, а во-вторых... У него ведь, как я понял, были разбиты кулаки? Значит, он дрался. Если бы Панаев дрался насмерть с хулиганами, вы нашли бы не один труп, а несколько. Это был талантливый парень, и, кроме того, в прошлом году он стал чемпионом

области по боксу. Его тренер возлагал на него большие надежды, так что ваша версия о хулиганах выглядит не слишком убедительно. Кстати, вы сами признались, что согласны со мной. Интересно, почему?

– Вам бы в органах работать, – снова вздохнул Ярцев. – Вы просто обожаете задавать вопросы. Так вы говорите, он не пил?

– Он был спортсменом на взлете карьеры, – пожав плечами, ответил Французов. – Вы должны понимать, что это значит.

– Да, я понимаю, – медленно проговорил Ярцев. – То-то же я смотрю... Понимаете, – увлекаясь, заговорил он, – в желудке у него все просто плавало в алкоголе, а вот в крови обнаружить алкоголь не удалось. Странно, правда? Похоже на то, что пил он уже после смерти.

– Для меня было бы более странно, если бы он напился, ввязался в пьяную драку и дал себя убить, – сказал Французов.

– Для большинства людей это вполне естественно, – возразил Ярцев.

– А он не относился к большинству, – ответил Юрий. – Знаете, однажды он сломал мне руку.

– Ну и что? – не понял Ярцев.

Французов окинул его оценивающим взглядом.

– Мы с вами примерно одного возраста, – сказал он. – Весите вы побольше Панаева и наверняка умеете драться. Я прав?

– Ну конечно, – немного удивленно подтвердил Ярцев. – Я же все-таки оперативный работник.

– Тогда попробуйте сломать мне руку, – предложил Французов, – или хотя бы просто нанести удар.

Теперь настала очередь Ярцева оценивающе разглядывать собеседника. Завершив осмотр, он хмыкнул и сказал:

– Идите к черту, капитан. У меня пропасть работы, людей не хватает, так что отлеживаться в больнице мне некогда. Верю вам на слово... Хотя, конечно, было бы гораздо проще, если бы вашего курсанта убили в пьяной драке. А так несуразица какая-то получается...

– Может быть, ему сначала вкололи наркотик? – предположил Французов.

– Да не было у него в крови ничего постороннего, – с досадой отмахнулся милиционер. – И потом, почему в таком случае ему не вкатили смертельную дозу? Зачем вся эта возня с ломанием костей?

– Да, – согласился Французов, – действительно странно.

– Ну что ж, – вздохнув, сказал Ярцев, – не стану больше вас задерживать. Вы ответили на все мои вопросы. Легче мне от этого, правда, не стало, но вы в этом не виноваты. Вот вам моя визитка. Если вдруг узнаете что-то новое, обязательно позвоните.

– Само собой, – кивнул Французов, пряча визитку в карман кителя.

Распрощавшись с Ярцевым, он присел на стальную трубу ограждения и рассеянно закурил, глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами. Он разговаривал с милиционером спокойно, но вовсе не потому, что смерть курсанта Панаева оставила его равнодушным. Он видел много убитых и давно понял, что горестные восклицания и заламывание рук не только не помогают, а, наоборот, в большинстве случаев усугубляют и без того тяжелое положение. Он всегда тяжело переживал смерть подчиненных, стараясь скрупулезно вычислить свою долю вины. Это было продиктовано не мелочным самокопанием, а вполне рациональным желанием найти свою ошибку, чтобы по незнанию не повторить ее впредь. Это был трезвый расчет умного, грамотного командира, не исключавший, впрочем, обыкновенной человеческой боли.

Раздавив окурочек каблуком, Юрий безотчетно прикурил следующую сигарету и сжал в кармане свой талисман – зазубренный осколок ручной гранаты, который военные хирурги извлекли из его черепа.

Он-то думал, что счет его потерям закрылся там, в Чечне, в тот день, когда остатки батальона вывели из разрушенного города. Он тогда уже обживался на новом месте, упорно вдальбивая в стриженные головы вчерашних пацанов истины, казавшиеся ему самому азбучными: любой мужик, независимо от воинского звания, должен уметь защищаться и нападать, потому что все и всегда решают не ракеты, корабли, самолеты и танки, а люди, и, значит, надо не просто уметь драться – надо уметь драться с умом.

Поначалу новая работа не вызывала у него ничего, кроме тоски и глухого раздражения. Слетавшие с губ слова были сухими и холодными, курсанты казались толпой бракованных роботов, согнанных в кучу только для того, чтобы осложнить капитану Французову и без того нелегкую жизнь. Они ничего не умели и, в большинстве своем, ничему не хотели учиться у бывшего ротного десантно-штурмового батальона, взрывной волной чеченской гранаты выброшенного в эту тихую заводь, где разжиревшие от спокойной жизни лягушки вели подспудную борьбу за кусок побольше и посочнее. В тот день, когда выбитый до размеров взвода батальон грузился в транспортный вертолет, готовый взять курс на старую, давно покинутую базу, инструктор по рукопашному бою капитан Французов во время занятий так швырнул упорно повторявшего одну и ту же ошибку курсанта, что тот потерял сознание и пять минут пролежал на матах, бессильно откинув стриженую наголо голову на тонкой мальчишечьей шее. Глядя на эту шею, которую он мог легко сломать двумя пальцами, капитан Французов вдруг словно прозрел. До него внезапно дошло, что сделать из этих мальчишек настоящих солдат – задача поважнее той, которую он выполнял в Чечне. Поважнее... да и потруднее, пожалуй.

Через некоторое время ему стало казаться, что он довольно успешно справляется с этой задачей, а Николай Панаев был одним из тех, кем капитан мог по праву гордиться. И вот пожалуйста – убит. Точнее, забит до смерти. Не зарезан, не застрелен, не утонул и не попал под машину – забит голыми руками. На кого же он нарвался, во что встрял?

Позади под чьей-то ногой негромко хрустнул гравий. Ушедший в свои мысли капитан, забыв, где находится, обернулся так резко, что стоявший у него за спиной курсант произвольно дернулся, словно собираясь отскочить.

– Виноват, товарищ капитан, – сказал он. – Разрешите обратиться.

– Обращайтесь, – сказал Французов.

Налетевший порыв прохладного ветра поставил торчком гюйс курсанта, хлестнув того по затылку. Курсант нетерпеливо откинул непослушный воротник на место и, немного помявшись, спросил:

– Этот, который приходил... он из милиции?

– Вот это да, – удивился Французов. – А ты откуда знаешь?

Курсант уклончиво пожал плечами и отвел взгляд.

– Да так... – сказал он.

– Понятно, – кивнул капитан и выжидательно посмотрел на курсанта.

– Скажите, товарищ капитан, – снова заговорил тот, – это правда, что Кольку... что курсант Панаев погиб?

– К сожалению, да, – ответил Французов.

– А вы не могли бы сказать мне, как это произошло? – спросил курсант.

Теперь Французов вспомнил его фамилию – Гаврилов. Вспомнил он и то, что Гаврилов и Панаев были друзьями.

– Не знаю, право, – сказал он. – Существует ведь тайна следствия и все такое прочее... Ну, не бледней, моряк. Вы ведь дружили, кажется?

Гаврилов кивнул.

– Ну конечно, – сказал капитан. – Странная история, курсант. Панаева кто-то убил голыми руками. Точнее, избил до смерти.

– ...твою мать, – сказал курсант Гаврилов. – Виноват, товарищ капитан, – спохватился он, – сорвалось. Я ведь его предупреждал!

– Так, – сказал Французов, неосознанно подражая своему бывшему батальонному командиру, и приглашающе похлопал по трубе рядом с собой. – А ну-ка, присядь. Гаврилов неловко опустился рядом, похлопал себя по карманам и нерешительно взглянул на Французова. Капитан протянул ему открытую пачку. Курсант благодарно кивнул, вытянул из пачки сигарету и неумело прикурил от поднесенной Французовым зажигалки. Сделав глубокую затяжку, он мучительно закашлялся, окутавшись облаком дыма, как персонаж какого-нибудь мультфильма. Курить он явно не умел, но Французов решил не обращать на это внимания. Терпеливо подождав, пока курсант кашлял, хрипел и отплевывался, он заговорил:

– Ты явно что-то знаешь, курсант. О чем ты предупреждал Панаева? Во что он влез?

Гаврилов еще немного помолчал, сосредоточенно думая о чем-то и время от времени делая мелкие осторожные затяжки, потом махнул рукой и повернулся к Французову.

– Есть одно место, – заговорил он. – Называется «Атлет»...

Глава 3

Ирина Французова украдкой бросила взгляд на изящные золотые часики, подаренные мужем на годовщину свадьбы. До конца урока оставалось пять минут. С мимолетной улыбкой она подумала о том, что за пять лет работы в школе организм окончательно перестроился под сорокапятиминутный ритм. Каждый раз, посмотрев ближе к концу урока на часы, она обнаруживала, что до звонка остается ровно пять минут.

Пятый «Г» работал.

Разлохмаченные от неумелого обращения беличьи кисти неуверенно, толчками двигались по бумаге, оставляя на белой шероховатой поверхности подтекающие полосы. Ирина прошлась по рядам, заглядывая в работы учеников. В начале урока она дала классу задание изобразить какое-нибудь домашнее животное, зная, что чего-то большего от этой шумной, подобранной с бору по сосенке банды добиться будет трудно. Сейчас, бегло просматривая работы, она то улыбалась, то хмурилась: судя по изображениям, в квартирах большинства ее учеников жили довольно странные, а порой жутковатые, совершенно неизвестные науке твари.

Мила Королева, воровато косясь под парту, усердно срисовывала пушистого белого котенка со слащавой до отвращения открытки. Несмотря на то что копия имела весьма отдаленное сходство с оригиналом, именно эта приторная слащавость каким-то непостижимым образом переключала с открытки на детский рисунок. Зато сидевший позади Милы Саша Гусев изобразил совершенно уморительную ворону, оседлавшую похожее на утыканную спичками морковку дерево. Растекшееся желтое пятно в клюве у вороны должно было, по замыслу автора, изображать сыр. Не хватало только лисицы да еще, пожалуй, краткой пояснительной записки, в которой говорилось бы о том, какое отношение ворона имеет к домашним животным. Впрочем, пусть уж лучше так, чем...

Ирина нехотя посмотрела в сторону окна, где за последней партой сидели близнецы Гороховы. Она всегда смотрела в ту сторону с большой неохотой: Витя и Митя Гороховы были умственно отсталыми, и, пока они вели себя тихо, их старались не замечать. Посмотрев на близнецов, Ирина поняла, что тактика, вполне применимая на любом другом уроке, в данном случае оказалась ошибочной. Забыв о бессмысленно запачканных краской листах бумаги, Витя и Митя увлеченно раскрашивали друг друга. Краски они не жалели, и результаты были просто вопиющими. Счастье еще, что урок рисования был в пятом «Г» последним сегодня. Класс затаив дыхание исподтишка наблюдал за действиями близнецов. Тихо ужаснувшись, Ирина торопливо двинулась к близнецам, стараясь не привлекать их внимания: испугавшись, братья Гороховы могли закатить шумную истерику. За спиной у нее кто-то тихо хихикнул, кто-то фыркнул в кулак – пятый «Г» развлекался.

«„Г“ – оно и есть „Г“, – в сердцах подумала Ирина, немедленно устыдившись этой мысли. – Дети всегда остаются детьми, у них свои отношения, своя шкала ценностей, свой особенный, суверенный и замкнутый мир, в котором взрослые чаще всего выглядят захватчиками и узурпаторами. И потом, – решила она, – все зависит от угла зрения. В конце концов, Витя и Митя выглядели сейчас и в самом деле уморительно – ни дать ни взять, два карликовых индейца перед выходом на тропу войны. Если забыть о том, что скальп за эту их выходку снимут с меня, получалось действительно весело.»

У нее за спиной оглушительно грянул звонок. Класс рисования был угловым, и выкрашенные алюминиевой краской чашки электрического звонка, каждый раз напоминавшие Ирине груди какой-нибудь индийской статуи, висели почти над дверью, так что звонок каждый раз заставлял ее вздрагивать. Класс немедленно взорвался хохотом и удалым гиканьем. Захлопали крышки парт, и веселый негритенок по имени Рома Казачонок, улюлюкая, как милицейская машина, промчался к выходу.

«Хорошо, что хоть звонка дождалась», – подумала Ирина. Отвлекшись на секунду, она пропустила кульминационный момент художественного творчества близнецов: Витя вылил на Митю грязную воду из пластмассового ведерка, в котором братья полоскали кисточки. Митя громко засмеялся, раззявив большой слюнявый рот. Наплевав на дипломатию, Ирина сгребла братьев-авангардистов и потащила умываться.

Пока техничка убирала класс, Ирина терпеливо ждала, вежливо поддерживая беседу со словоохотливой женщиной. Когда та, гремя ведром и немелодично напевая, двинулась в соседнее помещение, Французова заперла дверь и торопливо направилась в сторону учительской, мысленно моля небо о том, чтобы не столкнуться там с завучем начальных классов Александрой Александровной. Александра Александровна была такой же нескладной, как и ее неудобнопроизносимое имя. Хотя пятый «Г» уже год как перестал относиться к начальной школе, суровая Александра была единственным человеком, способным хотя бы временно обуздать братьев Гороховых. Могло, конечно, выйти так, что Александре еще не доложили о высоких достижениях близнецов на ниве изобразительного искусства, но Ирина почему-то в этом сильно сомневалась. За пять лет у нее сложилось стойкое убеждение, что в школе действует широкая агентурная сеть и обо всех происшествиях администрации становится известно едва ли не раньше, чем они случаются. Некоторые учителя полушутя поговаривали о системе прослушивания. Это, конечно, была чистой воды паранойя, но Ирине запомнился случай, когда посреди урока у нее в классе под потолком вдруг ожил один из динамиков давно не работавшей стереосистемы и голос директора приказал ей немедленно зайти к нему в кабинет. Хотя Ирина и не разбиралась в электронике, ей почему-то казалось, что наладить двустороннюю связь не намного сложнее, чем одностороннюю.

Ее опасения оправдались на все сто процентов – Александра не только была на месте, но и, более того, занималась прочисткой мозгов одному из близнецов. Второй – судя по залитой грязной водой рубашке, это был Митя – безучастно слонялся по коридору. Из кабинетика завуча, расположенного в глубине учительской, раздавались металлические вопли Александры.

Ирина невольно прислушалась и вздрогнула: выражений, которые доносились сквозь неплотно прикрытую дверь, наверняка не было ни в одном словаре. Как ни странно, Витя (или все-таки Митя?) что-то говорил в ответ – похоже, огрызался. Ирина про себя позавидовала такой храбрости. Впрочем, он ведь был умственно отсталым. Безумству храбрых поем мы песню... А также храбрости безумных.

Ирина бесшумно, на цыпочках подошла к стенному шкафу и сняла с вешалки свой плащ.

Учительская, к счастью, была безлюдна, что избавляло ее от необходимости поддерживать пустые разговоры, которых она не любила. Точнее, как и всякая женщина, она обожала поболтать, но разговоры в учительской почему-то всегда нагоняли на нее смертельную скуку. Ирина не любила школу – не детей, а именно школу, с ее косностью и возведенной в ранг добродетели нищетой, с невежеством и ханжеством, всегда оставляющими за собой последнее слово. Ей было жаль бросать детей, но она понимала, что долго так продолжаться не может – либо она уйдет, либо ржавая разболтанная мясорубка народного образования перемелет и ее, превратив в автомат, из урока в урок с умным видом изрекающий прописные истины, бывшие в ходу при царе Горохе. Ее молчаливый бунт был изначально обречен на поражение, и она это знала. Система работала на репродукцию не задающих вопросов исполнителей. Сильные уходили, умные спивались, самые сильные пытались изменить систему и тоже в конце концов либо спивались, либо уходили, большинство же учителей продолжали работать, не ведая, что творят, и не замечая собственного убожества.

Ее рассуждения были прерваны донесшимся из кабинета Александры звуком, похожим на пистолетный выстрел, и раздавшимся вслед за ним протяжным воплем.

– Сука-а-а! – на одной пронзительной ноте тянул голос, в котором Ирина с большим трудом узнала голос Вити (или Мити).

В кабинете быстро затопотали две пары ног, что-то с рассыпчатым шумом обрушилось на пол, и снова раздался похожий на выстрел из спортивного пистолета хлопок. Не удержавшись, Ирина подошла к двери, потянула ее на себя и заглянула в щель: в конце концов, звуки были такие, словно Александру убивали. Кто знает, что может прийти в голову этому Горохову!

Впрочем, заглянув в кабинет, она быстро убедилась в том, что если здесь кого-нибудь и убивали, то никак не завуча начальных классов. Александра была цела и невредима. Вооружившись классным журналом в клеенчатом переплете, грозная завуч гонялась за Гороховым, норовя треснуть его по макушке. Горохов, несмотря на свою умственную отсталость, ловко уворачивался.

– Александра Александровна... – совершенно растерявшись, пролепетала Ирина.

Александра на секунду остановилась, посмотрела на нее совершенно безумным взглядом, сдула упавшую на глаза прядь крашенных волос и вдруг рывкнула фельдфебельским голосом:

– Вон!!!

Ирина даже не заметила, как оказалась за дверью. Торопливо, не попадая в рукава, она натянула плащ и бросилась из учительской. Только на ступеньках крыльца она с трудом заставила себя остановиться и пойти более или менее спокойно. Ее внезапно разобрал совершенно неуместный смех. Она вспомнила выступления Александры на педсоветах: гладкие, раз и навсегда заученные фразы, фразы поновее, вычитанные в педагогических журналах, длинные, стилистически совершенные, округленные периоды: гуманизация обучения, проблемные уроки, развивающее обучение, дифференцированное обучение... Да, Александра Александровна – опытейший педагог... О, ну что вы, это авторитет! Ей одной под силу справиться с этими двумя недоумками... Да, представьте себе, типичные УО, но знали бы вы, кто их отец!.. А она умеет найти к ним подход. Да, вот именно, индивидуальный подход...

Ирина шла к метро, задыхаясь от смеха. Смех этот существовал как бы отдельно от нее – он совершенно не мешал думать. Ирина прекрасно понимала, что другого выхода у Александры не было, точнее, не было сил искать этот выход. В самой идее обучать умственно отсталых детей в обычной общеобразовательной школе – ах нет, простите, в гимназии! – было что-то не вполне нормальное, наподобие утверждения, что Земля плоская. Для этого нужны особые условия, педагоги со специальной подготовкой, а тут вместо всего этого, изволите ли видеть, папа. Поневоле возьмешься за журнал. Это все от бессилия, поняла Ирина. Безумству храбрых поем мы песню... Нет, Французов все-таки прав: пора бросать это дело, становиться домашней хозяйкой, заводить собственного ребенка и опробовать свои педагогические идеи на нем. Кроме того, не мешало бы заняться живописью. Что из этого получится – еще вопрос, но не для того же она потратила четыре года на учебу в Герценовском, чтобы обучать близнецов Гороховых основам примерного искусства! Юрка будет рад, он давно грозит вспомнить молодость и взорвать школу к чертовой матери... То-то ученики обрадовались бы!

Эта мысль вызвала у Ирины новый приступ хихиканья. Она вспомнила, как в течение первых двух лет своей педагогической деятельности каждое утро, идя на работу, мечтала найти на месте школы груды горелых кирпичей.

Таким страстным это желание не было даже в те времена, когда сама она носила школьную форму.

Приняв решение, Ирина испытала облегчение, какого не испытывала уже очень давно, – пожалуй, с тех самых пор, как Французов вернулся из Чечни, мрачный, но живой и очень решительно настроенный. «Хватит, – сказал он тогда, – погуляли, и будет. Завтра идем в загс.» Он всегда и все делал решительно – недаром служил в десантно-штурмовом батальоне. В этом

словосочетании, и даже в его аббревиатуре – ДШБ, Ирине чудилась какая-то всепокрушающая мощь. Французов и сам был под стать этому словосочетанию...

Но каким нежным бывал он порой! За ним как за каменной стеной. За любимой и любящей стеной, между прочим. Это, кстати, было одной из причин, почему Ирина не терпела болтовню в учительской: расплывшиеся, скверно одетые и причесанные по моде семидесятых женщины наперебой хаяли своих мужей, и выглядело это просто тошнотворно.

Навстречу, коротко прошелестев широкими шинами по сухому асфальту и на мгновение ослепив ее сиянием хромированной дуги, прокатился огромный серебристый джип. За ветровым стеклом бледной луной маячило одутловатое лицо с бульдожьими щеками. Ирина проводила машину взглядом, в котором в равных пропорциях смешались страх и любопытство: это был джип Горохова-старшего. Один из его телохранителей, которых Французов без затыл называл бандитами, ехал в школу – забирать гороховских отпрысков. При взгляде на этот джип и бледное, лишенное эмоций, словно грубо вылепленное из куска скверного мыла, лицо охранника, маячившее за ветровым стеклом, действия Александры, вбивавшей правила поведения школьников в пулеобразные головы близнецов Гороховых при помощи тяжелого классного журнала, представлялись настоящим подвигом.

Нет, из школы надо было уходить. С каждым годом она все больше напоминала зверинец, в котором братья Гороховы были далеко не самыми страшными из обитателей. Вот старшеклассники – это да. Иногда это и в самом деле было страшно – без дураков, по-настоящему. Ирина порой представляла себе, как девятиклассники валят ее в проход и насилуют прямо посреди урока, а накрашенные девицы равнодушно наблюдают за ними, флегматично жуя резинку. Эта фантазия была кошмарной, но в ней не было ничего нереального. Ирина вспомнила, как пару лет назад трое одиннадцатиклассников затолкали сделавшего им замечание по поводу курения в туалете физрука головой в унитаз и спустили воду. Фамилия физрука была Пушкин, голову его венчали благородные седые кудри, и он выполнял в школе обязанности профсоюзного босса. Самое интересное, что после купания в засоренном унитазе, о котором на следующий же день знала вся школа, он даже не подумал уволиться, а все так же гоголем расхаживал по коридорам, гордо неся свои благородные седины. Ирина до сих пор не могла заставить себя смотреть ему прямо в лицо, хотя, по идее, стыдиться должен был он. Французов, которому она рассказала об этом случае, только пожал плечами: подобные вещи были за пределами его понимания.

От метро она добиралась на автобусе, а от автобусной остановки еще двадцать минут шагала бесконечными дворами микрорайона. По случаю теплой погоды во дворах было полно детишек и старух. Время подростков наступит позднее, когда на город опустятся сумерки и старухи загонят детишек по домам смотреть мультики и ужинать. Тогда возле подъездов затлеют огоньки сигарет, зазвенит стеклотара, зазвучат глумливые гогочущие голоса. С годами город, да, пожалуй, и все остальные города в этой выпавшей из плавного хода истории стране, стал все больше напоминать какие-то нью-йоркские трущобы, соскочившие напрямик с телевизионного экрана и в считанные месяцы распространившиеся почти на весь континент. Это был всесоюзный Гарлем, вакханалия нищеты и насилия, и Медный Всадник казался на этом фоне совсем маленьким и сиротливым, как забытая рассеянным ребенком игрушка. Ирина поднялась на восьмой этаж пешком (в кабине лифта весь пол был сплошь залит мочой, а в углу для полноты картины расплылась большая лужа густой рвоты) и позвонила в дверь. У нее, конечно, был собственный ключ, но она любила, когда Французов открывал ей сам: приятно было прямо с порога попадать в его большие, сильные руки. В руках мужа Ирина сразу переставала чувствовать себя самостоятельной современной женщиной, честно говоря, не без удовольствия. За дверью было тихо, оттуда доносилось только неразборчивое бормотание радиорепродуктора. Французов, конечно же, все еще был на службе, и Ирина, вздохнув, полезла в сумочку за ключом.

* * *

Старший оперуполномоченный отдела по расследованию убийств капитан Ярцев спал плохо – вероятно, сказывалось нервное напряжение. Раньше ему никогда не приходилось жаловаться на бессонницу. Откровенно говоря, капитан был соней и просто не мог понять, как человек может не спать ночью, если у него нет на то какой-нибудь веской причины. Но то было раньше, теперь же капитан не видел ничего необычного в том, чтобы часами неподвижно лежать в постели с закрытыми глазами и слушать, как ровно дышит спящая жена.

Терять драгоценные ночные часы на то, чтобы ворочаться с боку на бок, сбивая в тугой жгут простыню, было непростительным мотовством. Капитан пробовал читать, но глаза сразу же начало жечь, словно под веки насыпали горячей соли, а жена принялась ворочаться – видимо, ее беспокоил свет. Ярцев раздраженно выключил ночник, закрыл глаза и стал думать. Мысли его лениво блуждали по закоулкам прошедшего дня. В памяти всплывали места и лица, отдельные слова и обрывки разговоров, всплывали, выпячивались, приобретая на несколько секунд почти нереальную яркость и значительность и снова превращаясь в однородную, серую массу.

Вспомнился инструктор по рукопашному бою Французов. Да, такой мог бы забить того курсанта насмерть одними кулаками, да и не одного, пожалуй. Этакий громила... Бывают, конечно, и побольше, но Французов казался каким-то очень уж функциональным, что ли. Это вам не бодибилдер какой-нибудь, у него мускулатура не для красоты, а для дела. Для какого дела? А вот для этого самого – чтобы дал по рогам, и с копыт долой. Бывший десантник вроде бы. Хотя десантники тоже разные бывают, особенно бывшие. Надо бы к нему повнимательнее присмотреться. Вдруг это все-таки он своего курсанта приложил? А мотив какой? Ну, гражданин начальник, это вы уже много хотите. Мотив ему подавай... Например, решил отомстить за сломанную руку. Чем не мотив? Смешно вам, говорите? Позавчера на Витебском вокзале нищего грохнули, выручку забрали и ушли. Это смешно или нет? Да девяносто процентов бытовых вообще не имеют мотива. Рожа соседа не понравилась – вот тебе и мотив. А некоторым вообще никакого мотива не надо, кроме стакана водки. Это им и мотив, и стимул, и награда, и все, что хотите. Курсант не пил, говорите? Так это Французов сказал, а он у нас в данный момент проходит кинопробу на роль подозреваемого. И потом, это он про курсанта говорил, а не про себя. Вот вам картина преступления: напился, вспомнил старую обиду и свернул обидчику шею, возможно, даже в честном бою один на один. Судя по его виду, ему человека убить все равно что мне помочиться. Видал, орденских планок сколько? Чтобы столько юбилейных медалей нахватать, лет двести прослужить надо, никак не меньше.

Ярцев усмехнулся, не открывая глаз. Такая версия сгодилась бы на то, чтобы временно замазать глаза начальству, когда оно, начальство, пребывая в плохом настроении, требует отчета. Изложи такую версию тому же Французову – обхохочется, а то и, чего доброго, засветит промеж глаз пудовым кулачищем. С него станется... Нет, это все, конечно, чепуха, леность ума и движение по пути наименьшего сопротивления. Надо браться за повседневную рутинную работу: отрабатывать связи курсанта Панаева, опрашивать жильцов прилегающих домов – в общем, рыть землю. С утра надо будет разослать ребят по всей набережной. И потом, не голый же он по улицам ходил. Где-то должна быть его одежда, документы...

Ярцеву не давало покоя еще одно обстоятельство: вечером, когда перед уходом домой он заскочил на работу, дежурный сообщил, что Французов трижды звонил ему по телефону. Перезвонив в училище, капитан, как и следовало ожидать, выяснил, что инструктор уже отправился домой. Домашним телефоном Французов обзавестись не успел, так что оставалось либо ждать утра, либо отправляться к нему домой. Жил капитан где-то у черта на куличках, в одном из микрорайонов, удаленных от центра на астрономическое расстояние, и Ярцев решил не

пороть горячку и дожидаться утра, тем более что был уже одиннадцатый час и до Французова он добрался бы не раньше половины двенадцатого. В конце концов, рассудил капитан, Панаев уже умер, и вряд ли его инструктор по рукопашному бою наверняка узнал, кто убийца, за те несколько часов, что прошли со времени их встречи. Если бы у него было что-то настолько спешное, он вполне мог изложить свое дело дежурному.

Эти рассуждения, в общем-то совершенно логичные, теперь, в три часа пополуночи, казались капитану Ярцеву пустыми отговорками. Вряд ли Французов трижды звонил ему на работу для того лишь, чтобы почесать языком, строя версии: не такой он был человек. Уж в чем, в чем, а в людях за десять лет работы в милиции Ярцев разбираться научился. Французов производил впечатление человека, который предпочитает быстрое действие долгим разговорам. Именно это и не давало Ярцеву покоя: чертов десантник мог каким-то образом узнать что-нибудь важное и, не найдя его, начать действовать самостоятельно. Ни к селу ни к городу Ярцев представил, как капитан Французов, вернувшись к себе в микрорайон, сидит за кухонным столом под голой двухсотваттной лампочкой, снаряжая автоматные рожки, рассовывая по карманам запасные пистолетные обоймы и ребристые яйца гранат, пряча в разных местах на теле ножи, пистолеты и ампулы с цианидом... У ног его стоит большая спортивная сумка, из которой, как зелень из корзинки дачника, буйно выпирает вороненое, тускло блестящее железо. Вот он застегивает «молнию» сумки, оставляя торчать снаружи длинную трубу ручного гранатомета, встает с шаткого табурета и направляется к дверям, держа тяжеленную сумку немного на отлете, чтобы не била по ногам, с таким видом, будто это папка с бумагами.

Это было уж слишком. Ярцев бесшумно откинул одеяло, встал и, шлепая босыми ногами по прохладному линолеуму, отправился на кухню. Не зажигая света, он налил стакан воды из-под крана, выпил половину, а остальное с отвращением выплеснул в раковину.

Он вспомнил о недопитой бутылке коньяка, стоявшей в холодильнике. Капитан взял из лежавшей на подоконнике пачки сигарету, закурил и, опустившись на табуретку, представил себе, как коричневая прозрачная жидкость течет в рюмку.

Но, подумав, каково ему будет наутро, он решил не экспериментировать. Не хватало только добавить к недосыпанию похмелье, не говоря уже о реакции супруги на такую экстравагантную выходку, как одинокая пьянка посреди ночи. Она наверняка решит, что у мужа опять начались неприятности на работе, и, чего доброго, примется звонить начальству и вправлять мозги подполковнику Суровцеву, у которого и без нее хватает проблем.

Капитан курил, глядя, как в такт затяжкам вспыхивает в черной глубине оконного стекла красный огонек, выхватывая на мгновение из темноты его лицо, похожее на вырезанную из дерева маску, и думал о том, что вот так, наверное, дает о себе знать подкрадывающаяся старость. В сорок лет о старости думать рано, но это как желтый лист, который вдруг замечаешь в кроне липы в середине июля: лето в разгаре, но грядущая зима уже подает знак издалека – привет, ребята!

Ярцев показал темному стеклу кукиш, раздавил сигарету в пепельнице и, стараясь не шуметь, сделал стойку на руках. «Вот вам старость, козлы!» – неизвестно кого имея в виду, подумал он.

– Миша! – донесся из спальни обеспокоенный голос жены. – Миша, ты где?

Капитан испуганно принял нормальное положение. Не хватало еще, чтобы жена застала его в половине четвертого ночи стоящим на руках в неосвещенной кухне. «Скорую» она, конечно, вызывать не станет, но некоторые тревожные мысли у нее, несомненно, возникнут. И кто знает – может быть, она будет в чем-то права?

– Я здесь, – немного смущенно ответил он. – Не спится чего-то.

В спальне скрипнула кровать, щелкнул выключатель.

– Ты с ума сошел, – сказала жена, – без пятнадцати четыре!

Звякнула дверная защелка, в прихожей вспыхнул свет, и в коридор, шаркая худыми ногами в кожаных шлепанцах и придерживая обеими руками широкие цветастые трусы, выплыл совершенно раскисший от сна отпрыск капитана Ярцева. Подслеповато сощуриив заплывшие сонные глаза, он всмотрелся в темноту кухни, разглядел Ярцева и вяло помахал ему рукой.

– Эй, предки, – ломающимся заспанным голосом проворчал он, – что за коррида посреди ночи? Имейте совесть, спать же охота!

Не дожидаясь ответа, он включил свет в туалете и нырнул туда, даже не подумав закрыть за собой дверь. Слушая, как он там журчит и плещет, капитан испытал привычный приступ глухого раздражения. Сын рос шалопаем и к работе отца относился с вежливым безразличием, под которым, как казалось Ярцеву, скрывалась обида. Каково это: в компании сверстников признаваться в том, что твой предок – мент! Сын давно вступил в тот возраст, когда подросток начинает ощущать себя центром мироздания, а всех окружающих считает просто бандой недоумков, осложняющих ему жизнь. И уж конечно, самые тупые кретины – это его собственные родители. Финансовое и общественное положение родителей в этом процессе не играет никакой роли: оно всегда воспринимается как данность. Карманных денег всегда мало, нравов учения всегда скучны, а все сокровища мира можно не глядя променять на более чем сомнительные прелести девицы из соседнего подъезда. Обычно это проходит годам к двадцати – двадцати пяти, но бывают и неизлечимые случаи, которыми впоследствии, как правило, приходится заниматься капитану Ярцеву и его коллегам.

В туалете с шумом обрушилась вода из смывного бачка.

Громко щелкнув выключателем, Ярцев-младший выбрел в коридор.

– С облегчением, – не удержался капитан.

Его отпрыск очумело помотал лохматой головой с торчащими во все стороны сосульками спутанных волос.

– Сколько времени? – зевая во весь рот, невнятно спросил он.

– Без десяти четыре, – наугад ответил Ярцев.

– С ума сойти, – глубокомысленно заметил его сын и зашаркал к своей комнате.

– Сказал бы спасибо, – вслед ему сказал капитан. – Если бы я не встал, ты бы так в кровать и напустил.

– Спасибо, – ответил отпрыск, скрываясь за поворотом коридора.

Ярцев вздохнул и зажег в кухне свет. Похоже, ложиться в постель было уже бессмысленно: через пару часов на тумбочке начнет биться в истерике жестяной китайский будильник, не отличающийся безукоризненной точностью хода, но зато весьма и весьма голосистый. Стараясь производить как можно меньше шума, он залез в шкафчик над раковиной и вынул из него джезву и пакет с молотым кофе. Кофе был дрянной, пережаренный, но заваривался хорошо и оказывал на нервную систему действие, подобное погружению в ледяную воду – сердце начинало колотиться, и глаза вылезали из орбит. Это было именно то, что требовалось сейчас капитану Ярцеву. Он успел поставить джезву на плиту, когда в кухню вошла жена в накинутом поверх простенькой хлопковой ночнушки фланелевом халате. Волосы она собрала в аккуратный хвост на затылке – любимую прическу капитана и вообще выглядела так, будто и не думала спать. Глядя на нее, Ярцев испытал неожиданный укол шемящей нежности. Она была такой домашней и молодой в этом халатике, что капитану вдруг захотелось на недельку сбежать куда-нибудь с ней вдвоем.

– Привет, полуночник, – сказала она. – Что это ты тут затеял? Кофе? А почему без меня?

– Я думал, ты спишь, – сказал Ярцев. – А ты, оказывается, только притворяешься.

– Вот именно, – кивнула она, усаживаясь на табурет, – притворяюсь. Какие у нас планы?

– Планы у нас простые, – ответил капитан, – незатейливые планы. Сейчас мы поьем кофе...

– А потом?

– А потом, пока ночь не кончилась, я намерен сделать тебе неприличное предложение.

– Обожаю неприличные предложения, – голосом валютной проститутки сказала мадам Ярцева.

– Вы опять за свое? – донесся из-за тонкой перегородки полный страдания голос Ярцева-младшего.

Капитан переглянулся с женой, и неожиданно оба расхохотались во весь голос – так, как если бы им было по двадцать лет.

Глава 4

После разговора с курсантом Гавриловым капитан Французов не находил себе места. У него никак не шло из головы то, что рассказал ему курсант. Оставаясь внешне спокойным, он раз за разом прокручивал в голове все, что знал о Николае Панаеве, пытаясь найти слабое звено в казавшемся ему по-настоящему мужском характере парня и определить свою долю вины за случившееся. До разговора с Гавриловым с этим как будто все было ясно: он что-то упустил в процессе тренировок, и Панаев, столкнувшись с неожиданным нападением, не сумел защитить себя достаточно эффективно. В свете состоявшегося разговора все это представлялось капитану совсем по-иному: похоже, ошибка была не в физической, а в психологической подготовке парня. Кажется, он вообразил себя суперменом и решил на этом подзаработать, а это, по убеждению капитана, был один из кратчайших путей к могиле или, в лучшем случае, к тюрьме.

Как удалось ему уяснить из сбивчивого рассказа Гаврилова, ночной клуб «Атлет» был не просто дорогим кабаком. Он представлял собой гибрид ночного ресторана со спортивным залом. Днем в зале тренировались боксеры, а по ночам там проводились подпольные бои с тотализатором, приносящие владельцам клуба немалый доход. Судить о размерах этого дохода можно было по тому, что участие в одной схватке приносило боксеру триста долларов, – это проигравшему. Гонорар за победу зависел от суммы сделанных ставок и колебался, как понял Французов, в пределах от семисот до полутора тысяч долларов. Это были большие деньги и огромный соблазн, против которого, судя по всему, чемпион области устоять не смог, что и привело его к такому печальному концу. Погиб Панаев на ринге или был убит позже с целью ограбления, было не так уж важно. Французов полагал, что выяснение обстоятельств его смерти не составит труда для капитана Ярцева и его коллег.

До конца рабочего дня Французов трижды звонил Ярцеву, но так и не застал того на службе. Делиться информацией с незнакомым дежурным он не стал: Французов не испытывал особенно нежных чувств к милиции, хотя Ярцев ему чем-то понравился. В том, что старшего уполномоченного не оказалось на месте, Юрий усмотрел своего рода знак судьбы. Чем больше он думал об этом деле, тем сильнее чесались у него кулаки. Криминальная жизнь северной столицы до сих пор мало касалась бывшего десантника. В свое время он достаточно решительно отверг пару-тройку сомнительных предложений, и с тех пор его не беспокоили. Он редко читал газеты и еще реже смотрел телевизор: от сводок новостей у него начинала нестерпимо болеть голова. Идя по улице, он скользил по пролетающим мимо иномаркам равнодушным взглядом. Лихорадочная активность доморощенных миллионеров напоминала ему кишение паразитов на шкуре большого мертвого животного и вызывала точно такие же эмоции: ни перебить паразитов по одному, ни оживить животное он не мог и потому проходил мимо раскормленных молодчиков с сотовыми телефонами, брезгливо отворачивая лицо. Уличной шпаны капитан Французов не замечал вообще. Его рост и ширина плеч отбивали у хулиганов всякую охоту связываться с ним.

Теперь ситуация изменилась.

Капитан с удивлением понял, что смерть Николая Панаева задела его сильнее, чем он ожидал. Панаев был гордостью капитана Французова, пусть не другом, но любимым учеником. Паразиты закусали его насмерть, его кровь осела в их карманах тугими пачками хрустящих купюр, и то, что Панаев по неопытности сам шагнул навстречу собственной смерти, не освобождало их от ответственности.

Французов положил трубку на рычаги и некоторое время задумчиво смотрел на телефонный аппарат. Ярцев до сих пор не появился на службе. Капитан пожал плечами и вышел из преподавательской. В своем маленьком кабинетике, примыкавшем к спортзалу, он переоделся в штатское (комплект гражданской одежды хранился у него в шкафу на всякий случай). Линя-

лые джинсы, разбитые кроссовки, застиранная футболка и небрежно наброшенная поверх нее матерчатая спортивная куртка изменили капитана почти до неузнаваемости – он словно помолодел, став больше похожим на отставного спортсмена, чем на боевого офицера. Не торопясь, но и не мешкая, Юрий переложил свое нехитрое имущество: документы, деньги, ключи от квартиры, пачку сигарет и зажигалку – из кителя в куртку, запер кабинет и вышел на улицу.

Ему повезло: на стоянке в двух кварталах от училища скучал одинокий таксомотор.

Таксист, позевывая, читал газету. Юрий уселся рядом с ним на переднее сиденье, ездить сзади он не любил, и коротко бросил:

– На Литейный.

Таксист неторопливо сложил газету, перегнувшись через Юрия, затолкал ее в бардачок, включил счетчик и отъехал от стоянки.

– Куда на Литейном? – поинтересовался он.

– Клуб «Атлет» знаешь? – спросил Француз.

Таксист с интересом посмотрел на него, наметанным глазом оценивая рост, ширину плеч, толщину бицепсов и тяжелый, волевой подбородок пассажира, что-то прикинул про себя и, приняв решение, спокойно ответил:

– Кто ж его не знает. Место известное.

Верно оценив испытующий взгляд таксиста, Юрий не стал признаваться в том, что он-то как раз до сегодняшнего дня находился в блаженном неведении относительно существования клуба и того, что происходило в нем поздними вечерами.

– Вот и отлично, – с глубокомысленным видом сказал он. – Туда и поедем.

– К парадному входу или к служебному? – уточнил таксист.

– Сам, что ли, не можешь сообразить? – грубо сказал Француз и для убедительности сделал несколько круговых движений нижней челюстью, словно поправляя боксерскую прокладку.

Водитель с уважением покосился на него и немного увеличил скорость, обгоняя запыленную «Вольво» с финскими номерами.

– Балдею от бокса, – осторожно сказал он, заводя разговор на интересующую его тему. – Настоящий мужской спорт, не шахматы какие-нибудь.

Француз молча кивнул и снова глубокомысленно подвигал челюстью. Пристрастия таксиста его волновали мало, но он понимал, что этот болтун более или менее осведомлен о клубе, и благодарил судьбу за такой подарок. Таксист мог хотя бы отчасти облегчить стоящую перед ним задачу.

– Тоже мне, спорт, – ободренный молчаливым согласием пассажира, принялся развивать свою мысль шофер. – В смысле, шахматы. По-моему, это занятие для очкастых педиков.

– А мне нравится, – равнодушно бросил Юрий. Мнение таксиста о шахматах в данный момент его интересовало меньше всего.

– Ну да, – хохотнул тот, – вы скажете! По вас и видно. Ну просто вылитый шахматист!

– Им платят больше, – осторожно пустил пробный шар Француз.

– Ну, вы ведь тоже не бесплатно морды бьете, – сказал водитель. – Хотя, конечно, это не мое дело.

– Вот именно, – веско подтвердил Француз. – И потом, староват я уже для ринга.

– Это вы зря, – подобострастно сказал таксист. – Настоящий мужик, вот вроде вас, староват не бывает.

– Старый конь борозды не портит, так, что ли? – спросил капитан.

– Во-во, – поддакнул шофер.

Они уже ехали по Литейному. Юрий заметил впереди броскую вывеску ночного клуба «Атлет», но тут водитель притормозил, свернул в боковую улочку, лихо развернулся и остановил машину перед неприметной дверью, выкрашенной облупившейся масляной краской.

– Приехали, – сказал он.

Не задавая вопросов, Юрий расплатился и вышел из машины. Таксист скрупулезно отсчитал сдачу и, пожелав ему удачи, уехал.

– Может, после смены загляну посмотреть, как вы деретесь! – бросил он на прощанье.

Французов усмехнулся. Он собирался хорошенько подраться, но вряд ли балдеющий от бокса таксист имел шанс посмотреть на то, как он будет разбираться с администрацией клуба, и вряд ли то, что должно здесь было произойти в ближайшее время, имело отношение к боксу. Капитан не был намерен обременять себя соблюдением каких бы то ни было правил, кроме одного: бей первым. Он понимал, что его затея опасна, но смертельный риск так долго был частью его жизни, что давно перестал восприниматься как нечто из ряда вон выходящее. Его просто нужно было иметь в виду и, действуя продуманно и решительно, свести до минимума.

Капитан подошел к облупившейся деревянной двери, поражаясь тому, как неказисто она выглядит. В ней даже не было глазка, его заменяло прикрытое фанерной заслонкой окошечко, затянутое ржавой металлической сеткой. На дверном косяке торчала кнопка электрического звонка, прикрытая от дождя мятым жестяным козырьком. Юрий надавил на нее и не отпускал, пока прикрывавшая окошко заслонка не откинулась и за частой металлической сеткой не возникло лицо охранника.

– Что надо? – недовольно спросил тот.

– Мне в зал, – сказал Французов с таким видом, словно он был здесь хозяином.

– Это с парадного входа, – ответил охранник и начал было закрывать окошечко, но Юрий остановил его.

– погоди, мужик, – сказал он. – Я хочу поговорить с хозяином.

– Ты кто? – спросил охранник.

– Прохожий, – ответил Французов. – Шел мимо, дай, думаю, загляну.

– Проваливай, – недружелюбно посоветовал охранник. – Хозяин с прохожими не разговаривает.

– Что ж ты такой неласковый-то? – с умело разыгранной обидой сказал Юрий. – Мне сказали: покажешь записку, проблем не будет. Я должен хозяину кое-что передать.

– Что передать? – спросил охранник.

– А вот это, брат, не твое дело, – покачав головой, ответил капитан. – У меня к хозяину поручение, а не к тебе.

– Тогда какого хрена ты мне здесь мозги туманишь? – раздраженно воскликнул охранник. – Показывай записку. От кого хоть она?

– Может, ты все-таки откроешь дверь? – неохотно засовывая руку в карман куртки, спросил Французов. – Или я так и буду с тобой, как с попугаем, через эту сетку разговаривать?

– Так и будешь, – сказал охранник. – Записку показывай.

– Где же она, мать ее, – забормотал Французов, роясь в карманах. – Ага, вот. На, гляди.

Он протянул в сторону окошка листок бумаги. Это был список продуктов, которые он должен был купить по дороге домой. Наученная горьким опытом, Ирина каждый раз, отправляя мужа за покупками, снабжала его таким списком, зная, что в противном случае он может потратить всю наличность на роскошный букет цветов и какую-нибудь безделушку, – такие случаи бывали.

Охранник сунулся лицом к самой сетке, пытаясь разобрать то, что было написано на листке. Заранее поморщившись, Французов нанес короткий сокрушительный удар кулаком прямо сквозь металлическую сетку. Он бил в полную силу, поскольку шансов на повторный удар не было. Сетка с треском порвалась и соскочила с удерживавших ее ржавых гвоздей, а охранник, не успев даже охнуть, с грохотом отлетел в темную глубину коридора, что-то опрокинув по дороге. Не вынимая руки из окошка, Французов привстал на цыпочки, нашарил на внутренней стороне двери барабанчик замка и отпер дверь. Ночные фантазии капитана Ярцева

были недалеко от истины. Капитан не учел только одного: для того чтобы перевернуть вверх тормашками ночной клуб «Атлет», Французов не нуждался в оружии. Он сам был оружием, но Ярцев этого не знал, и потому его ошибка была вполне простительной, особенно с учетом того, что теперь даже копеечные долги выбивались с помощью «магнумов», «кольтов» и «ТТ».

Распахнув дверь, Французов вошел в тускло освещенный коридор. Вырубленный им охранник лежал у противоположной стены, высоко задрав ноги, под которыми валялся перевернутый стул. Судя по всему, он вдобавок основательно приложился затылком к стене. Юрий с невольным уважением отметил, что у этого парня чрезвычайно крепкая голова: несмотря на приключившееся с ним несчастье, которое могло запросто загнать в гроб человека пожиже, он слабо шевелился, пытаясь встать. Французов неторопливо запер дверь, прикрыл окошко в ней фанерной заслонкой и только после этого, тщательно прицелившись, ударил охранника ногой в шею. Удар был точно рассчитанным. Капитан не собирался никого убивать, по крайней мере пока. Охранник дернулся и обмяк, но дышать не перестал. Юрий поставил стул на ножки и боком усадил на него потерявшего сознание охранника, прислонив его спиной к обшарпанной стене. Голова охранника тяжело свесилась на грудь, и со стороны могло показаться, что он спит. Ворочая эту тушу, капитан нащупал во внутреннем кармане его кожаной куртки что-то твердое и тяжелое. Запустив руку охраннику за пазуху, Французов извлек оттуда девятимиллиметровый «вальтер». После секундного раздумья он отрицательно покачал головой, привычным жестом извлек из пистолета обойму и по одному выщелкнул из нее патроны. Ссыпав их в карман, Юрий вставил обойму в рукоять, передернул затвор, выбрасывая оставшийся в канале ствола патрон, и небрежно затолкал пистолет на место. Он надеялся, что после дополнительного удара охранник пробудет в отключке хотя бы полчаса, но подстраховаться все же не мешало.

Капитан осмотрелся.

Экономно освещенный тусклыми плафонами коридор тянулся влево от дверей метров на десять, а дальше поворачивал под прямым углом. Справа он заканчивался тупиком, в торце которого была еще одна дверь. Распахнув ее, Французов увидел рыжий от ржавчины унитаз, в который из старомодного ржавого бачка, расположенного под самым потолком, непрерывной струйкой бежала вода. Капитан аккуратно, без стука прикрыл дверь и двинулся по коридору, настороженно вслушиваясь в тишину. Проходя мимо урны для мусора, он высыпал в нее патроны.

За поворотом коридор упирался в еще одну дверь, на этот раз вполне приличную, изготовленную, что называется, по евростандарту и, что было гораздо важнее, незапертую и неохраняемую. Капитан повернул ручку и толкнул дверь от себя, подумав мимоходом, что воротилы подпольного бизнеса на поверку оказываются наивными лопухами: доверить охрану клуба одному-единственному человеку было непростительной небрежностью. Это обстоятельство зародило в душе капитана смутные сомнения. Пока все получалось чересчур легко. Что это за подпольный клуб, о котором знает первый попавшийся таксист? Открывшийся перед ним коридор, в отличие от предыдущего, был отделан с неброской элегантностью, недвусмысленно намекавшей на большие деньги. Бесшумно ступая своими расшлепанными кроссовками по керамической плитке, Французов миновал лестницу и открыл следующую дверь, оказавшись в небольшом тамбуре, единственным украшением которого служили еще три двери. За одной из этих дверей с плеском текла вода – похоже, там располагалась душевая. Из-за другой доносились звуки ударов, тяжелый топот ног по дощатому настилу и резкие выкрики рефери. Судя по всему, за этой дверью располагался спортзал. Третья дверь, за которой было тихо, оказалась запертой. Следуя простейшей логике, капитан решил, что она ведет в раздевалку. Это подтверждал и едва уловимый запах пота, витавший в тамбуре.

Юрий распахнул ведущую в спортзал дверь и оказался на узком балкончике, который опоясывал небольшой, но прекрасно оборудованный зал, располагавшийся в полуподвале.

Здесь было четыре ринга, и на всех работали боксеры. На балкончике тут и там по одному и группками стояли люди. Появление Французова оставило их вполне равнодушными, что немало удивило ожидавшего скандала и драки капитана. Кое-кто, окинув его мимолетным взглядом, тут же отвернулся, большинство же даже не повернуло головы. В целом это больше всего напоминало обыкновенную тренировку в каком-нибудь обществе «Урожай» или «Трудовые резервы» – никакой повышенной секретности, никаких угрюмых мордovorотов с израильскими автоматами под полой. «До чего же обнаглели, твари, – подумал капитан, – даже не прячутся.»

Аккуратно прикрыв за собой дверь, он покинул балкон и вернулся в коридор. Если таинственные хозяева клуба были где-то здесь, то искать их следовало на втором этаже. Снова мельком подумав о том, что занимается совершенно не своим делом, Французов стал подниматься по лестнице.

* * *

Алексей Иванович Ставров проснулся, как обычно, в половине шестого утра. Он давно перестал пользоваться будильником: выработавшаяся за долгие годы привычка и так поднимала его точно в назначенное заранее время. Еще будучи нищим студентом института физкультуры, Алеша Ставров изобрел собственную систему, позволявшую ему обходиться без будильника, на который у бывшего детдомовца в ту пору просто не было денег. Засыпая, он во всех подробностях представлял себе циферблат этого несуществующего будильника и старательно устанавливал стрелку звонка на выбранное время. В ту пору у него не было способа проверить, насколько точно работают его внутренние часы, но, во всяком случае, на занятия он не опоздал ни разу. Позднее, когда ему удалось скопить денег на скромную «Победу» в хромированном корпусе, которой он гордился так, как ни один из «новых русских» не гордится своим золотым «Пульсаром», он убедился в том, что его внутренний будильник отсчитывает часы и минуты не хуже кремлевских курантов. С тех пор прошло много лет, но Алексей Иванович так и не удосужился приобрести настоящий будильник. Более того, он перестал носить наручные часы, определяя время без их помощи с точностью до двух минут. Боксируя на ринге, он всегда точно знал, сколько осталось до конца раунда, ни разу не взглянув на табло. Это помогало лучше рассчитывать силы, и многими своими победами боксер-тяжеловес Алексей Ставров был обязан именно этой особенности своего организма.

Впрочем, объяснять это какой-то биологической аномалией Алексей Иванович был не склонен. Это была простая дисциплина, – дисциплина ума и тела, без поблажек и выходных дней. «Организм, – объяснял он своим ученикам в те дни, когда работал тренером, – тварь безмозглая. Ему наплевать на ваши спортивные достижения и вообще на все на свете. Он хочет жрать, спать и трахаться, а все остальное он в гробу видал. Можно, конечно, жить и так. Посмотрите вокруг: все эти сорокалетние брюханы, страдающие одышкой и варикозным расширением вен, жили в свое удовольствие. Этот путь прост, но он не имеет ничего общего со спортом.»

Алексей Иванович быстро шел в гору и к сорока пяти годам достиг вершины тренерской карьеры – был назначен тренером сборной. Здесь он с некоторым удивлением обнаружил, что жизнь тоже не стояла на месте и большой спорт стал неотделим от большой химии.

Наблюдая за тем, как молодые талантливые спортсмены калечат себя ради достижения сиюминутного результата, Алексей Иванович чувствовал, что начинает терять веру в человечество. В конце концов он ушел из сборной и, пользуясь старыми связями и помощью некоторых своих высокопоставленных поклонников, открыл собственное дело. Дело, вопреки ожиданиям, пошло хорошо и очень быстро стало приносить ощутимый доход в твердой валюте. Самозванная «крыша», конечно, сильно досаждала Ставрову, но, учитывая специфику его биз-

неса, рэкетирь не особенно нагтели и вели себя сравнительно пристойно. Алексей Иванович вынужден был терпеть «крышу»: все-таки лицензии на проведение боксерских боев с тотализатором он в мэрии не получал, хотя и надеялся со временем на окончательную легализацию наиболее доходной части своего бизнеса. В конце концов, ничего предосудительного в этом он не видел: почему бы, в самом деле, ребятам не подзаработать в свободное время? У себя на ринге Ставров старался не допускать грязных штук, которыми с некоторых пор стал изобилывать большой спорт. Правда, менеджер клуба Погодин в последнее время стал вызывать у него определенное беспокойство. Слишком жаден был Федор Андреевич до денег, слишком неразборчив в средствах и как-то подозрительно легко находил общий язык с опостылевшей Алексею Ивановичу «крышей». Впрочем, менеджеры приходят и уходят, а бокс остается – таково было мнение экс-чемпиона Союза в тяжелом весе Алексея Ставрова, и мнения этого он ни от кого не скрывал.

Алексей Иванович встал, стараясь не разбудить жену, натянул на отяжелевшее тело адидасовский спортивный костюм, в прихожей надел родственные костюму кроссовки и, спустившись с седьмого этажа по лестнице, выбежал на улицу. Несмотря на свои почти шестьдесят лет, он совершал трехкилометровую пробежку каждое утро. С каждым годом эти три километра становились все длиннее, и Ставров подозревал, что в один прекрасный день его принесут с пробежки ногами вперед, но сдаваться он не собирался. Это тоже был вопрос самодисциплины и, если хотите, самоуважения.

Добежав до сквера, он проделал разминочный комплекс упражнений, нимало не заботясь о том, что может выглядеть смешным, и немного побоксировал с тенью. Двигался он довольно тяжело и неповоротливо, но каждый из его ударов, будучи направленным в цель, более осязаемую, чем воображаемый противник, мог бы свалить быка.

Как всегда, вернувшись с пробежки, он обнаружил, что Дарья Васильевна уже встала и успела приготовить ему плотный, по всем правилам науки, завтрак. Он сто раз предлагал жене завести домработницу, средства это позволяли, но супруга оставалась непреклонной. У нее были свои понятия о порядке и дисциплине, и содержание дома в чистоте, а мужа в сытости тоже было для нее вопросом самоуважения.

Приняв душ, владелец и управляющий ночного клуба «Атлет» Алексей Иванович Ставров направился на кухню, где уже дожидалась его скворчащая на сковородке яичница с колбасой и неизменная чашка круто заваренного чая с большим бутербродом. Голода Алексей Иванович не испытывал, но с завтраком расправился решительно и быстро. Он не собирался принимать во внимание возрастные изменения в организме, по крайней мере в собственном, и мысль о том, что хотя бы на закате жизни можно было бы немного расслабиться и дать телу покой, даже не приходила ему в голову. Покой для него означал распад и смерть, к которой он вовсе не стремился.

Поблагодарив жену и услышав в ответ неизменное «не за что», Алексей Иванович направился в спальню и сменил спортивный костюм на старомодную строгую тройку, ослепительно белую сорочку и неброский галстук. Выбирать галстуки Алексей Иванович не умел и потому никогда не гонялся в этом плане за модой, предпочитая носить скромные галстуки пастельных тонов, – по крайней мере, риск показаться смешным сводился до минимума. Ставров понимал, что это дают знать о себе комплексы, нажитые еще во времена голодного студенчества, но справедливо полагал, что переделывать себя уже поздно, да и незачем. В конце концов, для жены он был хорош и так, а что касается девушек, то галстук ничего не мог изменить в том, что касалось его возраста. В этом деле галстук вообще не имел никакого значения. В свои без малого шестьдесят лет Ставров мог привлечь девицу моложе пятидесяти разве что деньгами, но экспериментировать в этой области он не собирался. Алексей Иванович по праву гордился тем, что ни разу не изменил жене, хотя в компании коллег никогда не распространялся на эту

тему: друзья могли счесть его не вполне нормальным, скажи он им, что хранил верность своей Дарье Васильевне на протяжении тридцати пяти лет.

Затянув перед зеркалом жемчужно-серый галстук в мелкую черную крапинку, Алексей Иванович пригладил щеткой свои седые, но все еще красиво выющиеся волосы, надел дорогие кожаные туфли, широкополую черную шляпу, не застегивая, набросил на плечи длинный плащ, проверил, на месте ли ключи от машины и кабинета, и, попрощавшись с женой, вышел из дома.

Говоря по совести, никакой необходимости ехать в клуб в такую рань у него не было. Никакие неотложные дела его там не ждали, а если бы и ждали, то менеджер был в состоянии решить любой неожиданно возникший вопрос, – именно за это он получал деньги, притом немалые. Но ежедневное присутствие в клубе с утра до позднего вечера наполняло жизнь Алексея Ивановича смыслом, даже если он просто сидел в кабинете или стоял на опоясывающем спортивный зал балкончике, наблюдая за тем, как тренируются боксеры. Кроме того, в последнее время он не очень-то доверял Погодину и предпочитал находиться поближе к центру событий – просто так, на всякий случай, чтобы в одно прекрасное утро, проснувшись, не обнаружить себя вежливо отодвинутым в сторону и оставленным на старости лет без штанов. Он знал, что может убить этого мозгляка одним ударом, но знал также, что кулаки решают в бизнесе далеко не все, и потому предпочитал присматривать за своим менеджером и никогда не подписывал бумаг, не читая.

Кроме того, он не понимал, чем можно заниматься, сидя весь день дома. Рыбалку он признавал только настоящую – с ночевкой, а лучше даже не с одной, и в таких местах, где рыба еще не выучила наизусть типы блесен и расписание выхода рыбаков на лов. Ужение же рыбы в пределах городской черты Алексей Иванович справедливо полагал занятием для тех, кто не знает, как убить время. Ну что, в самом деле, можно выудить, скажем, в канале Грибоедова? Что же касается телевизора, то его с таким же успехом можно смотреть и в клубе, и даже с гораздо большим комфортом: в кабинете у Алексея Ивановича было отличное вращающееся кресло, очень глубокое и мягкое, и прекрасный телевизор фирмы «Панасоник» с большим экраном. Как говорится, и дома, и замужем. То, что Дарья Васильевна на целый день остается одна, его не беспокоило. Жена тоже давным-давно нашла в жизни свою экологическую нишу и прекрасно себя в ней чувствовала. Она ходила в гости и принимала у себя дома подружек, с которыми бесконечно распивала чай и вела бесконечные разговоры обо всем и ни о чем. Это было чисто женское искусство, совершенно недоступное пониманию Алексея Ивановича, так что его отсутствие было кстати для всех: он не смущал подружек жены и не мучился сам.

Выйдя во двор, Алексей Иванович вывел из гаража свой красный «Альфа-ромео», запер гараж и снова сел за руль.

Задумавшись, он по укоренившейся привычке полез в карман за сигаретами, но спохватился и с некоторым смущением оглянулся по сторонам: не видел ли кто, как «железный старец» Ставров, забывшись, ищет по карманам курево, которого там не водится вот уже почти двенадцать лет. Он начал курить, когда стал староват для ринга и перешел на тренерскую работу, но потом бросил это дело, ощутив, как резко ухудшилось самочувствие. Пил он тоже очень умеренно, полагая зависимость от алкоголя и никотина рабством, недостойным настоящего мужчины.

Ставров осторожно вывел автомобиль сквозь узкое жерло арки на широкий простор Лиговки, свернул налево, на Невский, потом повернул еще раз, теперь уже направо, и оказался на Литейном. Оставив машину перед парадным крыльцом «Атлета», он вышел, нажатием кнопки на брелоке запер дверцу и вошел в клуб, кивнув в ответ на приветствие охранника. Пересекая просторный, заново отделанный вестибюль и поднимаясь на второй этаж по широкой пологой лестнице, Алексей Иванович испытывал чувство, которое было сродни законной

гордости: все-таки клуб был целиком его детищем, которому было отдано восемь лет жизни. Восемь трудных лет...

Повидавшись с Погодиным и испытав при этом привычный прилив необъяснимого раздражения, Ставров заглянул в спортзал, прошелся по ресторану, после чего наведаясь в помещение за бронированной дверью и немного понаблюдал за тем, как на ринге меняют канаты. Этот ринг был курочкой, которая имела обыкновение каждый вечер приносить Алексею Ивановичу золотое яичко, но не это было для него главным: наблюдая за схватками, он снова чувствовал себя молодым. Время от времени он сам надевал белый костюм и бабочку рефери и выходил на ринг, чтобы вблизи почувствовать тяжелый запах пота и ощутить плотные волны азарта и здоровой агрессии, исходившие от боксеров. Когда плотный ветер, поднятый рассекающей воздух кожаной перчаткой, касался его лица, он бывал счастлив как ребенок.

Здесь он немного поговорил с уборщиком Колюней, тоже бывшим боксером. Когда-то они не раз встречались на ринге, и шрам, так и не сошедший с верхней губы Алексея Ивановича, был напоминанием об одной из этих встреч.

Жизнь обошлась с Колюней покруче, чем со Ставровым. В тридцать два года он оказался выброшенным за борт и начал медленно, но очень верно спиваться. Три года назад Алексей Иванович случайно встретил его на вокзале, с трудом узнал, а узнав, ужаснулся и, не слушая невнятных возражений и рассказов о том, какая у него, Колюни, теперь замечательная жизнь, увез в клуб, где выделил комнатуху для жилья и швабру для добывания средств к существованию. В иной форме Колюня помощь бы не принял, да Ставров и не предлагал, считая, что милостыня унижает человеческое достоинство, особенно когда ее подает старинный приятель.

Колюня как раз убирал зал после ночных схваток, истово орудуя половой щеткой. Алексей Иванович остановил его, отправил одного из плотников в ресторан за пивом, и они хорошо посидели на жестких зрительских креслах с откидными сиденьями, потягивая прямо из банок ледяное пиво и вспоминая минувшие дни и людей, многие из которых теперь превратились в легенды, а иные просто бесследно канули в Лету, хотя были достойны большего.

Алексей Иванович очень любил эти посиделки с Колюней и пивком, хотя и подозревал, что Дарья Васильевна, узнав о них, сочла бы их столь же бессмысленными, сколь ничемными считал он сам ее долгие разговоры с соседками. Иногда Алексею Ивановичу начинало казаться, что мужчины и женщины все-таки принадлежат к разным биологическим видам, которые по какому-то капризу природы способны скрещиваться и давать потомство. Он обсудил этот вопрос с Колюней, и они пришли к выводу, что в таком предположении есть рациональное зерно, иначе откуда во все времена берутся гомосексуалисты и лесбиянки? После этого они не торопясь, вдумчиво обсудили проблему сексуальных меньшинств и пришли к выводу, что голубые – гадость, хотя посмотреть на лесбиянок бывает приятно. То обстоятельство, что оба они ни разу не видели ни тех, ни других, что называется, в действии, их нисколько не смущало. Короче говоря, пива, как всегда, не хватило, и Колюня, кряхтя, вернулся к прерванной уборке, а Алексей Иванович вернулся в свой кабинет, заглянув по дороге в туалет: мочевого пузыря стал уже не тот, и действие пива сказалось почти мгновенно.

Глава 5

– Ну как ты, Иваныч? – спросил Андрей Подберезский, когда они выпили по первой. Борис Рублев со стуком поставил рюмку на стол, крикнул, залихватски провел согнутым указательным пальцем по усам и скосил глаза на Подберезского.

– Ты это о чем? – подозрительно спросил он. – Мы вроде только позавчера виделись.

– Да так, – смущенно засуетился Андрей, – ни о чем, в общем-то. Я в смысле самочувствия.

– В смысле самочувствия я тебя хоть сейчас заломаю, если темнить не перестанешь, – пообещал Комбат.

– Ну вот, – сказал Подберезский, – приплыли. Так и вижу некролог в газете: «Погиб от руки пьяного пенсионера».

– А вот я тебе сейчас покажу пенсионера, – сказал Рублев, поднимаясь из-за стола, – и пьяного покажу, и трезвого...

– Да тише ты, медведь, – отмахиваясь обеими руками, сказал Подберезский, – еще, чего доброго, пацана напугаешь.

– Ничего, он не из пугливых, – возразил Комбат, но, оглянувшись в сторону комнаты, где делал уроки Сергей, все-таки опустился на табурет и стал говорить тише.

– Ты, Андрюха, на меня такими глазами не смотри, – сказал он.

– Какими такими глазами? – переспросил Подберезский.

– А такими, – сказал Рублев. – Как у Танечки. Помнишь Танечку из полевого госпиталя?

– Ага, – сказал Андрей и, сложив руки перед грудью ладонь к ладони, запричитал тоненьким голоском: – Ой, мальчики, ой, как же это вам больно, наверное!

– Вот-вот, – кивнул Комбат, снова наполняя рюмки. – Очень похоже. Только ей прости-тельно, поскольку баба, а тебе, солдат, на меня такими глазами смотреть воспрещается.

Он раздраженно поставил бутылку на стол, вскочил и принялся мерить кухню шагами. Остановившись у окна, он некоторое время смотрел вниз. Подберезский старательно отводил глаза.

– Черт, до чего же курить охота! – сказал наконец Рублев.

– Ну и не мучил бы себя, – пожав плечами, посоветовал Андрей.

Комбат резко обернулся.

– Ишь, какой добренький выискался! – зло сказал он. – Мне ведь, брат, не только курить хочется... И не курить вовсе. Знаю, ты как раз про это и спрашивал, так вот тебе ответ: хреново мне, солдат. Все бы отдал за одну дозу.

– Так уж и все? – переспросил Андрей.

– Все, – подтвердил Комбат.

– Зря ты, Борис Иванович, на себя наговариваешь, – сказал Подберезский. – Был бы ты готов все на свете променять на эту дрянь, так и променял бы давным-давно. Нет, командир, ты мне байки не трави, все равно не поверю.

– Извини, Андрюха, – сказал Рублев, снова подсаживаясь к столу. – Это, конечно, слабость во мне говорит. Поверишь: вот пью с тобой водку и вкуса не чувствую, вода водой. А ты говоришь – кури... Тут только дай слабинку, оглянуться не успеешь, как от тебя рожки да ножки останутся. И не смей меня жалеть. Я, когда жалость в твоих глазах вижу, сам себя жалеть начинаю, а от этого до дозы – не шаг даже, а полшага.

– Понимаю, – сказал Подберезский. Он действительно понимал, и ему очень не понравилась интонация, с которой Комбат произнес слово «доза». Ему представлялось, что именно так североамериканские индейцы когда-то произносили имя Маниту. – Давай выпьем, Иваныч.

– За что выпьем? – без интереса спросил Рублев, вслед за Подберезским поднимая рюмку.

– Давай за тех чертей, что Грязнова в аду поджаривают, – с чувством предложил Андрей. – Дай им Бог здоровья и долгих лет активной трудовой деятельности.

– О! – воскликнул Комбат. – Вот за это дело я выпью с превеликим удовольствием. Хотя просить у Бога здоровья для чертей... как-то оно, знаешь...

– Да плевать на форму, – сказал Подберезский. – Главное, чтобы содержание было правильное.

– И то верно, – согласился Комбат. – В богословии мы с тобой оба не сильны.

Они чокнулись и выпили до дна.

– Ты у Бурлака давно был? – спросил Подберезский, с аппетитом хрустя квашеной капустой.

– У Гриши? Давненько, – ответил Комбат.

– Вот и съездил бы, развеялся, – предложил Андрей. – Опять же, Бурлаков – мужик с понятием, он бы тебя к знахарям свел, отварами бы попоил, настоями своими разными...

– Думай, что говоришь, – перебил его Рублев. – Учебный год когда еще кончится. На кого я Серегу брошу?

– Вот черт, и верно ведь, – спохватился Подберезский, но тут же нашелся. – Как на кого? А я на что? Мы с твоим парнем ладим отлично, не пропадем.

– Нет, – покачал головой Комбат, – так не годится. Летом съезжу обязательно, а сейчас пусть парень учебный год закончит. Вот в Питер я его, пожалуй, свожу. Он там не был ни разу, представляешь? Да и я по Андрюхе, по брату, соскучился. Самого-то его, банкира хренова, в Москву калачом не заманишь, он если не у себя в банке, так непременно либо за границей, либо это... – Комбат сделал замысловатое движение нижней челюстью, несколько раз приподнял и опустил брови и плотоядно облизнулся, – ну, сам понимаешь.

– Дело кобелиное, чего ж тут не понять, – согласился Подберезский.

– Точно, – все больше загораясь идеей, продолжал Рублев. – На Девятое мая поедем. У них в школе целых три выходных. В Эрмитаж свожу пацана, морской парад посмотрим, Исаакий, Дворцовую площадь, то да се...

– Вот брательник твой удивится, когда ты в Эрмитаж пойдешь, – сказал Андрей.

– Это точно, – согласился Комбат. – У него за неделю до моего приезда голова болеть начинает в предчувствии похмелья, а тут на тебе – Эрмитаж. Его жена мне памятник поставит... нерукотворный.

Подберезский протянул через стол длинную руку, взял бутылку и наполнил рюмку.

– За Питер, – провозгласил он.

– За Эрмитаж, – поддержал его Комбат.

Они выпили и одновременно поставили рюмки на стол. Рюмки негромко стукнули о крышку стола, и этот стук совпал по времени с другим стуком: в этот самый момент в Петербурге капитан Французов с грохотом распахнул дверь кабинета Алексея Ивановича Ставрова, сделав тот самый шаг, после которого бывает поздно поворачивать назад.

* * *

Близился вечер, и ресторанная кухня мало-помалу набирала обороты, как старинная паровая машина с тяжелыми поршнями и обладающим огромной инерцией маховиком. До того момента, когда эта сверкающая белым кафелем анфилада просторных, заставленных хромированными и эмалированными агрегатами помещений утонет в горячем пару и лязге сваливаемой в мойку посуды, оставалось еще несколько часов, но первые, еще прозрачные, аппетитно пахнущие облака уже повисли над котлами и кастрюлями, первые тарелки уже упали в

мыльную воду, а в глазах сонных официанток уже начал появляться голодный блеск, который разгорится в полную силу немного позже, когда тускло освещенный торшерами уютный зал заполнится до отказа, а захмелевшие клиенты потеряют счет деньгам.

Игорь Тереничев посмотрел на часы и очень живо представил себе все это, так же как и то, на что можно использовать часть оставшегося до начала столпотворения относительно спокойного времени. Стоя на своем посту у внутренней двери служебного хода, он точно знал, что происходит в эти минуты в ресторане, потому что работал в клубе не первый год и досконально изучил распорядок дня. Не покидая своего места, он с девяностопроцентной точностью мог утверждать, что менеджер Погодин опять свалил и улаживает где-то свои таинственные дела, точнее, делишки, а Старик, как уважительно называли все до единого работники клуба Ставрова, скорее всего полудремлет в своем вертящемся кожаном кресле перед переливающимся яркими красками большим экраном телевизора. За последние год-полтора Старик здорово сдал, и это было известно всем, за исключением, пожалуй, его самого. Игорь со смутной тревогой подумал о том, что будет, когда Старик окончательно отойдет от дел – сам или с посторонней помощью – и его место займет этот скользкий Погодин.

Тереничеву нравилось место, в котором он работал. Платили здесь прилично, а главное, не было никакого напряжения с ментами. Ну скажем, почти никакого. Ночные боксерские бои в клубе проводились все-таки не совсем легально, но все происходило чинно, благородно, без увечий и смертоубийств, и милиция делала вид, что ничего о них не знает. Более того, насколько было известно Игорю, многие милицейские чины, переодевшись в штатское, любили провести вечерок в клубном ресторане, а потом поставить доллар-другой на исход какого-нибудь поединка. Да и на ринг время от времени выходили не только профессиональные спортсмены, но и некоторые омовцы – из числа тех, кто еще не забыл, что значит драться по правилам и без помощи резинового «демократизатора». Здесь было спокойно и надежно, но Игорь Тереничев был не настолько глуп, чтобы не понимать, что с уходом Старика все может резко измениться, притом далеко не в лучшую сторону.

Он поморщился, вспомнив о Погодине. И ведь казалось бы, имеет человек все, что душе угодно: и квартиру на Невском, и дачу на Финском, и шестисотый «мерс», и красавицу жену, и бабки на то, чтобы содержать все это хозяйство, – ну чего ему еще не хватает? Самолет ему личный нужен, что ли, а к самолету аэродром? Так это в президенты надо пробиваться, а не в директора ночного клуба. Все-то ему мало, все у него шило в заднице. Подавай ему карате, айки-до, кикбоксинг, бои без правил... Все верно, бандиты сюда не ходят, а если и забредет какой-нибудь случайно, так носом повертит, посидит вечерок да и отвалит куда-нибудь в другое место, где крови побольше и кости трещат так, что в задних рядах слышно.

Игорь потряс головой, отгоняя неприятные мысли, и покосился на закрытую дверь. Время тихое, часа два еще наверняка никто ломиться не будет. Тоска смертная, скучища... И у Светки наверняка работы еще немного, так что вполне можно успеть, если по-быстрому.

Он почувствовал пока неуверенное шевеление у себя в брюках и махнул на все рукой.

Приоткрыв дверь, Игорь выставил голову в коридор и окликнул кемарившего на стуле в двух шагах от наружной двери напарника.

– Эй, Квазимодыч! – позвал он. – Квазимодыч, подъем!

Виктор Козырев, получивший свое прозвище из-за того, что носил непривычное для слуха среднестатистического питерца отчество Казимирович, слегка вздрогнул и недовольно поднял голову. Нос у него был перебит точно посерединке и слегка свернут на левую сторону. Квазимодыч не так давно тоже выступал в тяжелом весе и даже брал, насколько было известно Игорю, какие-то призы.

– Чего тебе? – немного гнусаво спросил он.

– Слушай, Витек, – просительно заговорил Игорь, – я отлучусь на полчаса. Ты как, не против?

– СПИД не спит? – ухмыльнувшись, спросил Квазимодыч.

– Ага, – подтвердил Тереничев. – Сам не спит, и, главное дело, мне не дает, зараза этакая.

– У тебя, Игореха, не головка, а стрелка компаса, – покачав коротко стриженной головой, сказал Квазимодыч. – Куда бабы, туда и ты, как намагниченный.

– Так жизнь же проходит! – увещательно воскликнул Игорь. – Светку все равно кто-нибудь трахнет, так почему бы не я?

– Не жалеешь ты себя, братан, – сочувственно сказал Квазимодыч. – Горишь на работе. Того и гляди смылишься весь, даже обмылка не останется, чтобы в землю закопать.

– Тьфу на тебя, – отмахнулся Игорь. – Так присмотришь за дверью?

– Да что ей сделается-то? – пожал плечами Квазимодыч. – Как стояла, так и будет стоять, никто не унесет. Только ты недолго, а то мало ли что...

– Ага, – весело согласился Игорь. – Тебе из ресторана принести чего-нибудь?

– Пивка холодненького пару баночек прихвати, – сказал Квазимодыч, – а то рехнуться здесь можно от нечего делать.

– Заметано, – пообещал Игорь и, не став запирает дверь, чтобы Квазимодычу не пришлось вставать со стула, если кому-нибудь вдруг приспичит выйти через служебный ход, зато-ропился по коридору в сторону спортивного зала.

Выйдя на балкон, он обошел зал почти по всему периметру и через противоположную дверь выбрался в другой коридор, который вскоре привел его на кухню. Здесь он по-приятельски пожал руку шеф-повару, игриво ущипнул за необъятный каучуково-литой зад повараху Петровну, увернулся от черпака, которым она шутливо на него замахнулась, и, выглянув в обеденный зал, поманил к себе Светку, которая вместе с другими официантками скучала у окна, наблюдая, как редкие в этот час посетители поглощают не то поздний обед, не то очень ранний ужин.

Наблюдая за тем, как Светка с видом оказываемого ему великого одолжения, покачивая бедрами, неторопливо плывет к нему через зал, Игорь невольно залюбовался, хотя уж кто-кто, а он-то видал Светку во всех видах и даже сделал как-то пару десятков любительских черно-белых фотографий. Подумать было страшно отдавать такую пленку в кодаковский проявочный пункт. Светка была чертовски хороша и в одежде, и без, и, самое главное, красота ее не была обманной. Как следует заведясь, Светка давила мужику даже больше того, что щедро обещала ее внешность, а заводилась она с пол-оборота, потому что искренне и бескорыстно любила это дело. Впрочем, и небескорыстно тоже: редкий клиент мог остаться равнодушным при виде ее стройных ног и призывно вздернутой округлой груди, не говоря уже о лице и прочих прелестях, которые все до единой соответствовали самым высоким стандартам безо всякого шейпинга и тому подобной ерунды. Светка отказывала редко, только самым пьяным или чересчур безобразным. Разных маньяков, садистов и извращенцев она чуяла за версту и вежливо посылала на все четыре стороны, а если те не унимались, просто и без затей обращалась к охране, которая без труда и даже с удовольствием превращала полового гиганта в полуфабрикат для кухни. За Светку все были готовы в огонь и в воду, включая придурковатого Ванечку, который, по слухам, был пассивным педерастом, зато мог ударом кулака проломить лист фанеры десяти-миллиметровой толщины.

Светка подошла к нему вплотную и встала, подбоченясь и выпятив грудь, обдавая его дурманящим запахом духов и выжидательно глядя прямо в лицо своими прозрачными серо-голубыми глазами.

– Привет, – сказал Игорь. – Что подельываешь?

– Не видишь разве, – своим глубоким грудным голосом, от которого у Игоря всегда начинали бегать по спине мурашки, ответила Светка, – картошку окучиваю. Ты чего сюда приперся?

– Фу, какая ты грубая, – с деланной обидой протянул Игорь и положил ладони на крутые Светкины бедра. Бедра были мягкие и одновременно упругие – обалдеть можно. – Пойдем куда-нибудь, потолковать надо.

– Очумел совсем, жеребец, – сказала Светка, стряхивая его ладони, которые немедленно вернулись на место. – Пусти, сумасшедший, я же на работе!

– Так и я же на работе, – резонно заметил Игорь, аккуратно задвигая Светку в угол, заводя ладони ей на ягодицы и крепко прижимая ее к низу своего живота, чтобы она в полной мере ощутила, что он уже полностью готов к труду и обороне.

Светка уперлась в его грудь ладонями и попыталась оттолкнуть его, не проявляя, впрочем, особенной прыти. Игорь прижал ее крепче и сделал плавное движение низом живота. Светкины глаза затуманились и полузакрылись, пухлые полудетские губы разомкнулись, обнажая жемчужную полоску зубов, а правая рука, скользя вниз, слепо зашарила по продолговатой выпуклости на его джинсах – процесс пошел и обещал, как всегда, завершиться успешно.

– Вот дурак-то, – с хрипотцой проговорила, почти простонала она. – Что ж ты делаешь? Люди же кругом...

– Вот я и говорю – пошли, – тоже внезапно охрипнув, сказал Игорь, одной рукой еще крепче прижимая официантку к себе, а другой нащупывая под скользкой тканью блузки и кружевом бюстгалтера твердый, как вишневая косточка, сосок.

– Тогда отпусти, – вырываясь, сказала Светка. – Идем скорее. Да не копайся ты, я же тоже живой человек!

Светка была настоящим мастером своего дела, и не просто мастером, а истинным художником, и потому Игорь, выйдя через двадцать минут из кладовки, где хранились чистые скатерти, поварские халаты и прочие тряпки, испытывал во всем теле приятную опустошенность, словно был кувшином, из которого вылили всю воду. Его даже немного пошатывало, и шеф-повар дядя Саня, заметив его, хитро подмигнул из-под низко надвинутого колпака и сделал мастерское движение тазом, на мгновение сделавшись похожим на Майкла Джексона. Игорь в ответ только бессмысленно ухмыльнулся припухшими губами и вышел из кухни, не сразу отыскав нужную дверь.

Подумав секунду, дядя Саня отложил в сторону лопатку, которой переворачивал биточки, и юркнул в кладовку, пока Светка еще была там и не успела остыть.

Все еще блаженно улыбаясь, Игорь Тереничев проделал обратный путь до своего поста. Искусная Светка за короткие двадцать минут трижды выжала его досуха, и теперь у него слегка заплетались ноги, а мир перед глазами все еще продолжал ритмично раскачиваться взад-вперед, как на качелях.

Помимо воли вспомнив, что это были за качели, Игорь снова испытал возбуждение, ото-звавшееся глухой ноющей болью в его опустошенном сосуде страсти.

«Не баба, а соковыжималка», – привычно подумал он про Светку, входя во вверенный его попечению коридор.

В коридоре было тихо и пусто, да иначе и быть не могло. В конце концов, это был даже не служебный, а запасной выход, расположенный на отшибе и не заложный кирпичом просто на всякий случай. Через эту дверь порой входили только таинственные гости Погодина, да и то лишь в те дни, когда Старика почему-либо не было в клубе, да мордатые представители «крыши», появлявшиеся, как по расписанию, первого числа каждого месяца на своем черном «Грандчероки» с хромированными подножками и кожаным салоном.

Первое число было позавчера, Старик сидел у себя в кабинете, так что гостей ждать вроде бы не приходилось. Игорь приостановился и закурил, чувствуя, как ароматный дым вирджинского табака заполняет пустоты в легком, словно воздушный шарик в теле, проникая, казалось, до кончиков пальцев.

– Хорошо, – вслух сказал он и приоткрыл дверь.

– Эй, Квазимодыч, – позвал он, – я вернулся.

Квазимодыч не отвечал. Привыкнув к царившему в наружном коридорчике полумраку, Игорь прошел несколько метров до угла и выглянул в тамбур. Квазимодыч сидел на стуле и, похоже, кемарил, свесив голову на грудь.

– Птичка утром прилетела и давай в окно стучать, – бодро заговорил Игорь, подходя к напарнику. – Как тебе не надоело, как не стыдно столько спать?

Квазимодыч не реагировал. Как видно, толстяка совсем разморило после полной приключений ночи, и пребывающий в игривом настроении Игорь шутливо толкнул его в плечо. Квазимодыч качнулся и мягко повалился на бок, мешком плюхнувшись на пол.

– Оба-на, – сказал Игорь и присел над напарником, чувствуя неприятный холодок в районе диафрагмы. Ему показалось, что Квазимодыч мертв, как ножка стула.

Бывший тяжеловес, однако, дышал, хотя и выглядел так, будто побывал под товарным поездом. Все лицо и перед его белой рубашки были залиты кровью. Приглядевшись, Игорь сообразил, что вся эта кровища, похоже, вытекла из носа, который, хотя это и казалось невозможным, стал еще более кривым и расплюснутым, превратившись во вспухшее кровавое месиво. На затылке у Квазимодыча красовалась громадная сочащаяся гуля, и, хорошенько поискав, Игорь обнаружил на штукатурке прямо напротив наружной двери преизрядную округлую вмятину. Фанерная заслонка на смотровом окошечке была аккуратно закрыта и заперта на крючок, но ржавая металлическая сетка, точно по центру выгнутая и перепачканная кровью, валялась на полу в стороне.

– Оба-на, – повторил Игорь.

Перед его внутренним взором во всех деталях предстало то, что произошло здесь в то время, как он трахал Светку в бельеовой кладовке. Человек, сумевший одним ударом вырубить двадцатикилограммового Квазимодыча прямо через забранное металлической сеткой окошко, был, несомненно, опасен, и пришел он сюда явно не чаи распивать. Тереничев представил, как будет выглядеть его получасовая отлучка в свете приключившегося здесь безобразия, и замычал от досады: надо же было такому случиться! Будь он на месте, нос Квазимодыча, наверное, все равно был бы сломан по второму разу, но этим дело и кончилось бы. Пройти дальше запертой двери визитеру не удалось бы, а если бы и удалось, то набежавшая охрана быстро отбила бы у него охоту шляться по ночным клубам. Даже в том случае, если бы этот фрайер со смертоубойным ударом сумел бы как-то расшвырять набежавшую охрану и все-таки пройти, куда ему там было надо, непосредственной вины Игоря Тереничева в этом не было бы, хотя пройти сквозь десять человек охраны, сплошь состоявшей из бывших боксеров и подавшихся за длинным рублем ментов, мог бы разве что Терминатор. Теперь же получалось, что виноват во всем именно он, Игорь, хотя в чем именно он виноват, Тереничев еще толком не знал. Впрочем, для увольнения хватило бы и сломанного носа Квазимодыча вкупе с тем, что в помещение клуба проник злоумышленник. В том, что это был именно злоумышленник, сомневаться не приходилось: нормальные посетители себя так не ведут.

Игорь нерешительно задержал руку, уже протянувшуюся к замаскированной кнопке сигнализации. Если позвать на помощь, его судьба решена: с непыльным местечком придется расстаться. Возможно, стоило попытаться в одиночку отыскать и повязать этого умника. Он, конечно, был здоров, судя по тому, во что превратился Квазимодыч, но и у Игоря был припрятан в рукаве козырь. Тереничев знал, что Квазимодыч ни днем, ни ночью не расстается с тяжелым «вальтером» девятимиллиметрового калибра. Зачем он таскает с собой эту небезопасную игрушку, напарник Игоря так ни разу и не признался, но разлучался он с пистолетом только в самую лютую жару, когда спрятать его на теле было невозможно.

Запустив руку во внутренний карман куртки Квазимодыча, Игорь с облегчением убедился, что проникший в клуб крендель не был таким уж крутым, – пистолет оказался на месте. Тереничев, как начавший, так и закончивший службу в армии в звании рядового, не

имел никакого опыта в обращении с таким оружием и потому держал «вальтер» немного на отлете, словно тот мог внезапно изогнуться и ужалить его. С опаской передернув затвор, Игорь немного успокоился: пистолет у него в руке не взорвался и не выстрелил сам собой. Наоборот, тяжелая железка лежала в ладони так, словно была изготовлена по индивидуальной мерке. Зловещий вид и солидный вес пистолета вселяли уверенность в собственных силах. Игорь почувствовал себя огромным и способным справиться с любыми проблемами. «Вальтер» в его руке криком кричал о своем назначении и явно стосковался по работе. Тереничеву даже показалось, что нагретая теплом его ладони рубчатая рукоятка слегка вибрирует от сдерживаемого нетерпения.

– Ладно, козел, – вслух сказал он неизвестному взломщику. – Сейчас придет дядя Игорь и надерет тебе попу.

Словно услышав его голос, лежавший на боку Квазимодыч тяжело завозился и издал какой-то булькающий хрип. Игорь снова присел над ним. Квазимодыч явно приходил в себя. Глаза у него открылись и стали понемногу приобретать осмысленное выражение.

– Больно, с-с-с... – прошипел он.

Голос его звучал невнятно из-за сломанного носа и забившей носоглотку свернувшейся крови. Игорь подумал, что Квазимодыч запросто мог захлебнуться собственной кровью, и его чуть не стошнило.

– Витек, что? Как ты, Витек? – спросил Тереничев, встревоженно заглядывая в обезображенное лицо напарника.

– Нос сломал, гнида, – простонал Квазимодыч, пытаясь сесть и снова бессильно заваливаясь набок. – Голова кружится-тошнит, – почти капризно пожаловался он.

– Это ты башкой стукнулся, – сообщил ему Игорь. – Чуть стену не проломил, даже вмятина осталась. Сотрясение, наверное. Кто это был, Витек?

– Мужик, – сказал Квазимодыч, с трудом выталкивая слова. – Джинсы, кроссовки, куртка такая... светло-серая, матерчатая. Сказал, что к хозяину надо. Здоровый, падла, прямо как танк.

– Сейчас я «скорую» вызову, потерпи, – сказал Игорь. – Вот только танку этому башню откручу и сразу позвоню.

– Смотри, как бы он тебе... не открутил, – предупредил Квазимодыч.

– Не открутит, – пообещал Тереничев. – Я твою пушку прихватил, не возражаешь?

– Только не насмерть, – попросил Квазимодыч. – Попугай гада, и хорош. А то посадят... блин... обоих.

Выдав это напутствие, он закрыл глаза и обессиленно откинул голову – видно, ему и впрямь было худо.

Игорь встал, прикрыл пистолет полой кожаной куртки и решительно двинулся по коридору к лестнице, которая вела на второй этаж. Шел налетчик к Старику или это было сказано для отвода глаз, в первую очередь следовало позаботиться о безопасности хозяина.

Светка и связанные с ней приятные ощущения отошли на второй план, затертые новыми, куда более острыми переживаниями. Игорь поднимался по лестнице не чуя под собой ног, стараясь ступать бесшумно и будучи не в состоянии определить, насколько хорошо ему это удастся: все звуки заглушало гулкое буханье бьющегося сразу во всем теле сердца. Голова была словно наполнена гелием и, казалось, свободно плавала над плечами. В крови было полно адреналина, и Игорь не шел, а словно парил над выложенными мраморной плиткой ступеньками, тиская вспотевшей ладонью прикладистую рукоятку «вальтера». Подъем по лестнице занял у него считанные секунды, но ему показалось, что он крался с первого этажа на второй не меньше года.

Когда до площадки второго этажа оставался какой-нибудь десяток ступенек, на ней кто-то появился. Игорь лихорадочно рванул зацепившийся за что-то пистолет, но это был всего

лишь бухгалтер клуба Семен Филиппович Спицын, в своем неизменном джинсовом костюме и с папочкой под мышкой, неприятно смахивавший на переодетого мента.

– Ох, рано встает охрана! – приветствовал он Игоря традиционной шуткой и, приветственно сделав ручкой, намылился было с ходу проскочить мимо, торопясь по каким-то своим чрезвычайной важности делам, но Игорь притормозил его, свободной от пистолета рукой поймал за полу джинсовой куртки.

– погоди, Филиппыч, дело есть, – сказал он.

Бухгалтер еще разок дернулся по инерции и повернул к Игорю худое лицо, недовольно блестя круглыми линзами очков.

– Ну, чего тебе? – спросил он.

– Филиппыч, ты наверху мужика в серой куртке не видал? – спросил Игорь.

– Это здоровенный такой? – переспросил бухгалтер. – Что, проворонили, стражи порядка?

– Прорвался, придурок, – признался Тереничев. – Куда он пошел-то?

– Спрашивал, где кабинет Старика, – сказал бухгалтер. – Ну я ему и показал.

Договаривал он уже в пространство. Не дослушав, Игорь бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки, и оказался в коридоре второго этажа как раз в тот момент, когда дверь приемной Ставрова с треском распахнулась и из нее спиной вперед вылетел дежуривший в этот вечер при Старике Гена Бородин, почти двухметровый отставной омовец с отлично развитой мускулатурой и прекрасной реакцией. Приземлившись посреди коридора на пятую точку, Гена проехался задом наперед, собирая под собой ковровую дорожку, ткнулся головой в противоположную стену и остался лежать с широко раскинутыми руками и открытым, словно от большого удивления, ртом, в котором тускло поблескивали золотые коронки на передних зубах. Комментариев к этой немой сцене не требовалось, и Игорь, выхватив пистолет, бросился вперед.

Глава 6

В застланном ковровой дорожкой коридоре второго этажа Юрию встретился озабоченный человек в джинсовом костюме, с деловым видом спешивший куда-то с кипой шелестящих бумаг в руках. Французов напрягся, готовый свалить его прямым в челюсть, но человек постороился, бросив на него равнодушный, почти невидящий взгляд, и заторопился дальше.

– Одну минуту, – окликнул его капитан.

Человек затормозил так резко, словно со всего маху налетел на кирпичную стену, и быстро обернулся.

– Да?

– Вы не подскажете, где здесь у вас кабинет начальника? – спросил Юрий, улыбаясь с видом несколько смущенного простака, впервые попавшего в незнакомое место.

– Вам нужен хозяин или менеджер? – поинтересовался человек.

– Я даже не знаю, – немного виновато улыбнулся Юрий. – Менеджер, наверное.

– Менеджер будет позже, он уехал по делам, а кабинет хозяина – вон он, – человек указал рукой на одну из выходящих в коридор дверей, на которой, как и на всех остальных, не было таблички.

– Благодарю вас, – сказал Юрий, но его собеседник уже юркнул в какой-то кабинет.

Французов немного удивленно пожал плечами и подошел к двери, на которую указал ему джинсовый незнакомец. Все-таки для бандитского гнезда порядки здесь были странноватые: неизвестно как проникшего в святая святых незнакомца никто не хватал, не задерживал, не бил по голове кастетом и не спрашивал, кто он такой и что ему нужно. Больше всего это напоминало офис преуспевающей фирмы, занимающейся вполне легальным бизнесом. Сюда нормально вписывался даже вооруженный охранник у служебного входа: в конце концов, в заведении, объединившем под одной крышей ресторан, спортивный зал и ночной клуб со спортивным тотализатором, должны были водиться немалые деньги, и надо было быть полным идиотом, чтобы не предпринять охранных мер на случай ограбления. С этой точки зрения то, что видел Юрий, было явно недостаточным, и в его душу опять начали закрадываться смутные сомнения. Отступить, однако, было уже поздно, да и стоило ли городить весь этот огород только ради того, чтобы, дойдя до самого конца, застесняться и повернуть обратно? «В крайнем случае, извинюсь,» – подумал Юрий и аккуратно повернул ручку двери.

Помещение, в котором он оказался, мало напоминало кабинет начальника, точно так же как человек, находившийся здесь, совершенно не походил на крупного воротилу подпольного бизнеса. То есть, крупным-то он, несомненно, был, но только в смысле линейных размеров, которые невольно наводили на мысль о трехстворчатом шкафе. «Да что же они тут все такие огромные?» – с некоторой тоской подумал Юрий, чувствуя, как заныл расшибленный о проволочную сетку кулак.

Комната, в которую он вошел, была скорее всего приемной. Главная деталь интерьера – дверь в кабинет начальника, массивная, темного дерева, на которой благородно поблескивала полированная латунь ручки. В углу, у забранного горизонтальными жалюзи окна, помаргивал экраном компьютер, возле которого и сидел, развлекаясь охотой на виртуальных монстров, трехстворчатый амбал. Услышав тихий стук прикрытой Юрием двери, он поднял голову и вопросительно уставился на вошедшего.

– Привет, – сказал Юрий, напрямик направляясь к дверям кабинета. – Я на минутку.

Амбал молча, с неожиданной при таких внушительных размерах грацией, стремительно выметнулся из-за компьютера и бросился Французову наперерез. У Гены Бородина сегодня выдался неудачный день – увертливые монстры раз за разом мочили его виртуального стрелка, и не привыкший терпеть поражения бывший омоновец изрядно завелся за три часа непрерыв-

ного сражения с хитроумной машиной. Поэтому наглая выходка неизвестно откуда взявшегося мужика в потертой одежке переполнила чашу его терпения, и Гена бросился к незнакомцу, собираясь если не дать ему по сопатке, то хотя бы взять за шиворот и хорошенько потрясти. А уж после этого, приведя его таким образом в надлежащий порядок, можно было бы поинтересоваться, что ему так срочно понадобилось в кабинете Старика, где, между прочим, стоял сейф со вчерашней выручкой.

Визитер, однако, тоже оказался парнем нервным. Легко увернувшись от прущего на него, как локомотив, Гены, он пропустил охранника мимо себя, развернул его, несильно придержав за локоть, и нанес короткий, но очень чувствительный удар в солнечное сплетение. Гена был достаточно крепким мужчиной, чтобы выдержать удар лошадиного копыта, но за первым ударом последовал второй, еще более сильный, и охранника согнуло-таки пополам. Он подумал, что надо бы как-то исхитриться и вдохнуть немного воздуха, но тут кулак незнакомца рванулся вперед, как поршень, и с нечеловеческой силой вошел в соприкосновение с подбородком Гены Бородин. Ноги огромного охранника потеряли контакт с паркетным полом, он неожиданно для себя поднялся в воздух, с треском врезался спиной в дверь приемной, тяжело плюхнулся на пол в коридоре и, воткнувшись головой в противоположную стену, потерял сознание. Его лицо недаром показалось Игорю Тереничеву удивленным: он и был несказанно удивлен приключившейся с ним неприятностью.

Французов, морщась, потер ушибленный кулак, аккуратно повернул ручку двери директорского кабинета и с грохотом ударил в дверь ногой. Дверь распахнулась настежь, сильно ударившись о стену.

Кабинет больше напоминал владения председателя какого-нибудь спортивного общества, чем логово мафиозного лидера. Взгляд повсюду натыкался на вымпелы, кубки и тяжелые связки медалей, висящих на разноцветных атласных лентах. На почетном месте, там, где в кабинетах больших партийных и государственных боссов обычно помещается портрет вождя, висели на простом гвозде старые боксерские перчатки из облупившейся коричневой кожи. Правда, была здесь и современная офисная мебель, и огромный телевизор, и музыкальный центр, сработанный по последнему слову техники, и сам мафиози, который сидел в глубоком кожаном кресле за обширным столом и, развернув кресло вполоборота, смотрел по телевизору какой-то боксерский матч. Изображение на огромном экране почему-то было черно-белым, и Юрий не сразу сообразил, что хозяин кабинета смотрит видеокопию записи тридцати-, а то и сорокалетней давности.

Седой благообразный старец резко обернулся на звук грохнувшей о стену двери, слегка привстал, но тут же снова опустился в кресло и молча впери в вошедшего холодный пристальный взгляд. Лет ему было хорошо под шестьдесят, но глаза из-под кустистых бровей смотрели остро, по-молодому, а ширина уже обвисших под тяжестью прожитых лет плеч вызвала невольное уважение. Юрий представил, как выглядели эти плечи лет пятнадцать-двадцать назад, и едва удержался от того, чтобы закатить глаза: всех обитателей этого здания, похоже, отливали в одной форме, хоть и в разное время.

Публика, присутствовавшая на давно ставшем достоянием истории матче, разразилась приветственными воплями, которые едва не перекрыли возбужденную скороговорку комментатора. Сидевший за столом старик, не оборачиваясь, нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и экран телевизора погас. Стало тихо. Еще пару секунд Ставров и Французов оценивающе разглядывали друг друга. Юрий отметил, что костюмчик на громоздкой фигуре хозяйина старомодный, чтобы не сказать старенький, а галстук вообще не лезет ни в какие ворота. Старик первым прервал молчание, задав вполне резонный в сложившейся ситуации вопрос:

– В чем, черт побери, дело? – немного раздраженно поинтересовался он.

«Какие они тут все вспылчивые, – подумал Юрий. – Большие и вспылчивые. Прямо как фугасные авиабомбы.» Ответить хозяину кабинета он не успел: сзади его вдруг схватили

за шиворот, с силой, ввинчивая, уперли в затылок что-то холодное и твердое, и запыхавшийся голос немного испуганно каркнул:

– Не двигайся, козел! Вышибу мозги!

У старика за столом сделались круглыми глаза. Похоже, он удивился гораздо сильнее Французова. «Вот это уже разговор, – подумал Юрий, – это уже по делу.»

– Аккуратнее, дурак, – сказал он тому, что был сзади, медленно поднимая руки. – Все обои забрызгаешь.

– Заботливый, – слегка дрожащим не то от возбуждения, не то от страха голосом сказал Тереничев и, не убирая пистолета, свободной рукой принялся неумело охлопывать карманы капитана.

Юрий очень надеялся, что приставленный к его затылку пистолет окажется тем самым «вальтером», который он разрядил несколько минут назад. Впрочем, это вполне мог оказаться и какой-нибудь другой пистолет, поскольку шансов на то, что вырубленный им охранник с первого этажа уже выспался и снова готов принять участие в танцах, было маловато. Поэтому капитан решил не рисковать и, резко развернувшись, перехватил руку с пистолетом и припечатал прикрепленного к этой руке субъекта затылком к дверному косяку. Субъект оказался сговорчивым и безропотно сполз по косяку на пол, приняв сидячее положение и оставив пистолет в руке у Французова. Глаза его медленно закатились под лоб и тихо закрылись.

– Отдыхай, дружок, – сказал Юрий Игорю Тереничеву, но тот его не услышал.

Французов посмотрел на пистолет. Это все-таки оказался тот самый «вальтер» или просто очень похожий. Немного оттянув затвор, он заглянул в патронник и убедился в том, что оружие разряжено. Впрочем, хозяину кабинета знать об этом было не обязательно.

– Вы что-то сказали? – поворачиваясь к нему и держа пистолет стволом вниз в опущенной руке, спросил Юрий.

– Я спросил, в чем дело, – не моргнув глазом ответил старик. – По какому праву вы врываетесь в мой кабинет и устраиваете здесь побоище? Что вы себе позволяете?

Капитан Французов глубоко вдохнул и выдохнул через плотно стиснутые зубы, чтобы успокоиться.

– Сейчас, – сказал он. – Сейчас я все объясню.

Он в два широченных шага пересек кабинет, склонился над столом и, крепко ухватившись за серый в крапинку галстук хозяина, намотал его на кулак.

– Ты, старая мразь, убил моего друга, – медленно цедя слова сквозь зубы, как во время допроса, заговорил он, приблизив свое лицо почти вплотную к лицу Ставрова и упирая ствол пистолета в дряблые складки отвисшей кожи у него под подбородком.

– Молодой человек, – спокойно ответил Алексей Иванович, словно даже и не заметив ни пистолета, ни кулака с намотанным на него галстуком, – еще никто и никогда не оскорблял меня безнаказанно.

– Вот как? – с мрачной веселостью изумился Французов. – Это ж надо! Ну и что ты сделаешь? Только попробуй позвать на помощь, и я на самом деле забрызгаю твои обои и вымпелы, вот только ты этого уже не увидишь. Ну, что ты сделаешь, говори!

Он так и не разобрал, ответил ему что-нибудь хозяин кабинета или промолчал. Чуть ниже левого уха у него вдруг словно разорвалась граната, и взрывная волна боком швырнула капитана Французова на застекленную книжную полку, битком набитую разнокалиберными кубками, грамотами и прочими спортивными трофеями. Зазвенело бьющееся стекло, и капитан потерял сознание, пребывая в полной уверенности, что ему снесли полголовы выстрелом из крупнокалиберного пистолета, а то и из гранатомета. Он пришел в себя, но не стал открывать глаза и тем более шевелиться. Как и во многих других случаях, его жизнь сейчас могла зависеть от того, как он поведет себя в первые же секунды, и, чтобы принять единственно правиль-

ное решение, следовало хорошенько сориентироваться и хотя бы приблизительно разобраться в обстановке.

Руки и ноги, казалось, были целы. Зверски болела голова, нижняя челюсть ощущалась как-то странно, словно вместо нее вставили неуклюжий протез, но с этим вполне можно было жить. Юрий вспомнил, что с его головой произошло что-то нехорошее – вроде бы в нее угодил артиллерийский снаряд или что-то столь же тяжелое и стремительное, но, поскольку голова, хоть и разламывалась от боли, была все-таки на месте, следовало предположить, что с ней приключилось что-то совсем другое. Поразмыслив, Французов пришел к выводу, что, как ни странно это звучит, его нокаутировал тот старикан, что сидел за столом. «Вот так дед! – уважительно подумал Юрий. – Кто бы мог предположить, что у него такой удар! Впрочем, не зря же у него прямо над головой висят эти перчатки. Я-то, дурак, думал, что это просто украшение, символ, так сказать, а это, оказывается, вполне утилитарная штука. Ну и дед! Прямо паровой молот.»

Он осторожно, на миллиметр приподнял веки и сквозь густую сетку ресниц увидел в метре от своего лица черное отверстие, обрамленное кольцом тускло блестящего сизого металла. Отверстие показалось ему размером с канализационную трубу.

– Ну, хватит спать, – сказал, обращаясь к нему незнакомый голос, и в лицо Юрию откуда-то из пустоты плеснули холодной водой. – Меня не проведешь. Я же вижу, что ты уже очухался.

Капитан окончательно открыл глаза и убедился в том, что привидевшаяся ему канализационная труба на самом деле представляет собой просто дульный срез пистолета – все того же уже успевшего надоесть Французову, девятимиллиметрового «вальтера». За пистолет держался какой-то незнакомый капитану субчик в одном из тех давно набивших оскомину малиновых пиджаков, которые давно перестали носить даже уважающие себя бандиты. Телосложение у него было вполне обыкновенное. Это, конечно, ничего не значило. Капитан знал людей, выглядевших как заморенные подростки, но способных при этом скрутить в бараний рог кого угодно, но по тому, как нервно этот субъект тыкал в него своим пистолетом, было ясно, что рефлексy и навыки у него тоже вполне обычные, среднестатистические. Учитывая то, что пистолет, по всей видимости, все еще оставался незаряженным, тип в малиновом пиджаке опасности не представлял и совершенно напрасно с видом хозяина положения ухмылялся своим тонкогубым ртом, выглядевшим как бледный шрам, рассекший узкое лицо с колючими, глубоко посаженными глазами.

Перестав изучать эту неприятную личность, Французов с некоторым трудом повернул голову и отыскал взглядом старика. Тот по-прежнему сидел в своем кресле, старательно массируя левой рукой суставы пальцев правой. «Ушибся, – подумал Юрий. – Ну, еще бы. В его возрасте отвесить такой хук – на такое не каждый способен. Как ни поддерживай себя в форме, а против возрастных изменений в организме не попрешь. Суставы у него уже не те, тем более что он профессиональный боксер. Любитель бы так не сумел.»

Юрий уперся в пол ладонями и попытался сесть. Тип в малиновом пиджаке немедленно ткнул его в лоб стволом пистолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.